что и у стариковъ; но кое-гдѣ однакоже замѣтна наклонность къ новшеству и подражанію господскимъ людямъ.

Насчетъ же грамотности куда какъ плохо! Зато начальство и откупъ винный царятъ здѣсь во всю мощь. И какъ погляжу я, горожане куда стали бѣднѣе супротивъ прежняго; того довольства, той полной хозяйственности уже не видно. Зато у всѣхъ одинаково сохранились обрядности на святкахъ и лѣтнихъ увеселеніяхъ.

Въ бесѣдахъ съ родными я увидѣлъ, какъ много сохранилось у нихъ повѣрій и разныхъ суевѣрій; глубоко вѣрятъ они въ домовыхъ, лѣшихъ, лѣсныхъ и водяныхъ. Хотя смѣшно, но интересно было слышать ихъ разсказы. Одинъ говоритъ, что его сонпаго всего исщипалъ и измялъ дѣдушка-домовикъ; другая увѣряетъ, что этотъ же проказникъ душилъ ее и такъ навалился, что она ни рукой ни ногой не могла пошевелить. Того лѣшій завелъ въ лѣсную трушобу, чуть-чуть не за сто верстъ отъ города. Прежде и я также вѣрилъ слѣпо всѣмъ этимъ розсказнямъ, но какъ пошатался по бѣлу-свѣту и коечему понаучился, то и пересталъ вѣрить такимъ небылицамъ. Чтобы доказать имъ, что во многихъ повѣрьяхъ существуетъ больше недоумѣніе и обманъ, я разсказалъ имъ одно происшествіе, которое случилось въ имѣніи генерала Т—ва. Это было въ 1842 году.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ одинъ сумрачный день, отъ скуки пошелъ я съ барскимъ ружьецомъ бродить по ближнему лѣсу. Осенній, короткій день сталъ близиться къ ночи.

Нагулявшись, усталый, я мимоходомъ зашелъ отдохнуть въ овинъ, изъ котораго еще издали виднѣлся свѣтъ. Подойдя къ нему, я спустился къ огоньку обогрѣться. У печки возсѣдали двое мужиковъ: одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста, рыжій; другой низенькій, пузатенькій такой, съ простовато-добродушнымъ лицомъ.

— Богъ на помощь, ребята! сказалъ я имъ, усаживаясь на солому.

— Спасибо, кормилецъ, спасибо, — отвѣтили оба, кланяясь.

Показалось мнѣ, что мужикъ съ рыжей бородой былъ не радъ моему приходу; вѣроятно, ему досадно было, что я помѣшалъ ему дослушать какой-нибудь разсказъ. Я не ошибся.

— О чемъ это, братцы, вы тутъ растобарывали? спросилъ я, протягивая руки къ огню.

Добродушное лицо разсказчика оживилось, онъ отвѣтилъ:

— Да такъ, батюшка, кормилецъ, кое о чемъ; отъ скуки баемъ да были съ небылицами мѣшаемъ. Вотъ я сказываю Пахомычу о домовыхъ да лѣшихъ. Наше мѣсто свято!

При этомъ оба они перекрестились.

— Коли угодно твоей милости прослушать, такъ я ужъ сначала. Ономнясь сватъ Гаврило Семенычъ изъ села Чемоданова пріѣхалъ изъ Москвы. Ѣздилъ онъ туды къ господамъ спрошать у нихъ милости — дозволенія женить своего сына Петруху. Славный парень у него Петруха; что ни заставь — на все мастеръ. Да и дѣвка! чай знамъ тебѣ Селифанъ? Мужикъ зажиточный, хлѣбосолъ такой — людей мало! Такъ вотъ, батюшка, дочка-то, я говорю, у него Маланья — этакая, на удивленье. Дѣвка рослая, здоровая да румяная, а ужъ какъ учнетъ молотить аль бо жать — держись только! Другому куды те — не угнаться! Ну, кормилецъ ты мой, такъ вотъ эту-то Маланью-то сватъ Семенычъ и спрошалъ у господъ за свово, то-есть, сына-то. Мы, знашь, молотимъ на гумнѣ; домъ-то у насъ стоитъ на концѣ, у вереи. Глядь — кто-то ѣдетъ... Матрена моя и говоритъ: „Глянь-ка, Ѳомка, никакъ это сватушка воротился?“ Смотрю, а это онъ и есть. Бросилъ цѣпъ, бѣгу къ нему да и кричу: „Сватушка, заверни бражки испить!“ Онъ мужикъ, — ты вѣдь, Ванюха, знашь, — не спесивый, заѣхалъ.

— „Здорово, молъ, сватъ! Пошто ѣздилъ, уладилъ ли?“

А онъ сердешный заплакалъ инъ.

— „Эхъ, сватъ Ѳома“, баитъ Семенычъ, „съ радостью великой воротился. Дай Богъ здоровья господамъ! Не токмо што дозволили взять Маланью, да еще дали 20 рублевъ на свадьбу; а, ужъ, тебѣ вѣдомо, сватушка, нуждаюсь ли я въ деньгахъ? — своихъ довольно. А этотъ-то подарокъ да милость ихъ всего дороже на свѣтѣ“.

— „Ну, сватушка“, говорю, „поздравляю тебя“.

Ну, тутъ на радостяхъ испили мы и бражки и винца. Куда какъ развеселился мой сватушка — любо съ два!

Опосля этого поѣхали мы къ Селифану. Тутъ како угощенье было, такъ и сказать не можно! Отъ Селифана по-

ѣхали къ свату Семенычу. Завалились мы съ сватушкой въ сани-то дюже во хмелю, а время-то подходило ужъ такъ къ сумеркамъ. Какъ на грѣхъ поднялась вьюга и метель — зги не видать Божьей! Селифанъ съ своимъ братомъ отстали штоль, аль бо заплутались, только ихъ ужъ не видно стало. Ѣдемъ это мы лѣскомъ, а ужъ темненько стало. Сватъ мой храпитъ въ саняхъ, что есть мочи, т.-е. во всю-то ивановскую! Да и у меня, признаться, глаза такъ и слипаются. Только смотрю — по дорогѣ идетъ человѣкъ словно, большущій такой. Думаю, кто бъ это былъ? глядь, анъ это кумъ Трофимъ.

—„Здорово“, говоритъ, „кумъ!“

—„Здорово“, молъ. „Откеда это ты идешь?“

—„Да, што“, баитъ онъ, „поѣхалъ за дровами... и ужъ на цѣлый возъ сгоношилъ, глядь, лошади-то и нѣтъ, и лѣшій ее знаетъ, куды подѣвалась! Вотъ и бреду пѣшкомъ; да непогодь какая, всѣ глаза залѣпило“.

— Ну, братъ... „Эхъ, кумъ, кака оказія!“ отвѣчаю я. „Да постой-ка, неча тебѣ домой-то. Садись-ка да правь, довези насъ со сватушкой къ нему; тамъ на радостяхъ винца хлебнемъ, а-то мнѣ тоже добре заснуть хочется“. Сѣлъ Трофимъ, а я, какъ ткнулся, такъ и заснулъ...

Только долго ли, коротко ли мы ѣхали, не знаю; какъ вдругъ спросонья слышу шумъ какой-то, и кто-то такъ страшно мнѣ шепчетъ на ухо: „Вставайте, пріѣхали!“ Вскочилъ, это, я съ саней-то и не опомнюсь никакъ. Послышу — шумитъ возлѣ насъ гдѣ-то вода, брызгами такъ и обдаетъ, такъ и обдаетъ! Думаю: Господи, спаси и помилуй! да возьми и перекрестись. Въ это время изъ облаковъ глянулъ мѣсяцъ. Смотрю — нѣтъ мово Трофима! И куды онъ дѣлся, Господь вѣдаетъ! А тутъ передъ нами мельница нежилая; лошадь-то наша стоитъ по колѣно въ водѣ... Я — ну креститься на всѣ четыре стороны да святыхъ угодниковъ причитывать. Вдругъ, слышу, по лѣсу кто-то какъ загогочетъ, какъ загогочетъ, ажно волосъ дыбомъ сталъ! Я тутъ одной-то рукой крещуся, а другой-то все толкаю свата: „Вставай молъ, Гаврила Семенычъ, дѣло не ладно!“ А *онъ*-то все тамъ гогочетъ да гогочетъ...

Пробудился мой Семенычъ, вылупилъ глаза, да ничего и

въ толкъ не возьметъ. Повертѣлъ, повертѣлъ этакъ головой, да и бухнулся въ сани.

Думаю: вотъ такъ обошелъ онъ насъ! Дѣлать неча, вывелъ я лошадь изъ воды, да все съ молитвой да съ молитвой, подвелъ ее къ сараю, на сухое мѣсто. А тутъ, какъ на грѣхъ, опять закрутила, завалила вьюга страшенная. Куды жъ теперь ѣхать, думаю себѣ. Семъ-ка и я залягу да сосну до утра, авось Господь милостивый помилуетъ и охранитъ. Покрестилъ я во всѣ стороны, да и залегъ.

Просыпаемся, это, мы со сватомъ добре на разсвѣтѣ. Семенычъ мой диву дался, какъ я ему все пересказалъ.

—„Ишь ты, куда завелъ, проклятый!“ баитъ сватъ: „на Юдину мельницу. Кузьма мельникъ удавился здѣся; никто съ той поры не ходитъ, не ѣздитъ сюда. Одначе отмахали мы! верстъ двадцать отшатились отъ дому-то... Таперича намъ надо выѣхать на большую дорогу, — она недалече, — а тамъ поѣдемъ на Никольское; у кума, цѣловальника, похмелиться надоть, а то голова — словно бы молотьба въ ней...“ такъ разсудилъ сватъ Гаврило Семенычъ. Ну и поѣхали...

Въ эту минуту краснобая-разсказчика прервалъ не то вой, не то стонъ какой-то, пронесшійся надъ нашими головами. Я дрогнулъ; мужики крестились.

— Что это такое? спросилъ я.

Собесѣдники мои не отвѣчали, только все крестились. Схвативъ ружье, я выскочилъ наружу. Тьма была непроглядная; вѣтеръ гудѣлъ такой, что сосны стонали отъ его напора. Что дѣлать, какъ мнѣ быть теперь? Сказать, чтобы меня проводили — стыдно, будутъ смѣяться по деревнѣ, скажутъ: трусъ какой!...

— Прощайте! крикнулъ я мужичкамъ съ напускной храбростью и рѣшимостью. Иду лѣсомъ, а страхъ меня такъ и забираетъ, такъ и забираетъ. Хотя до дому было близко и дорога знакомая, да въ темнотѣ-то я все путался и натыкался на деревья. Вскорѣ однако глаза мои, послѣ свѣта отъ печи, стали яснѣе различать предметы, и я могъ итти свободнѣе. Иду да разсуждаю: чего жъ это я такъ боюсь? скоро выйду изъ лѣса, а тутъ и усадьба возлѣ. И вправду, открылась поляна, но жилья нашего какъ не бывало. Присматриваюсь — вижу валъ, а за нимъ виднѣются кресты. Вотъ

тутъ-то я струхнулъ не на шутку. Чувствую, что отъ страха волосы мои шевелятся, а по тѣлу мурашки такъ и забѣгали... Долго, подъ вліяніемъ непобѣдимаго страха, я стоялъ на одномъ мѣстѣ, точно вбитый колъ. Жду — вотъ-вотъ явится мертвецъ и схватитъ меня... Но ничто не показывалось, только шумъ лѣсной раздавался вокругъ и наводилъ еще болѣе ужаса. Наконецъ-таки рѣшился тронуться съ мѣста и итти по дорогѣ спиной впередъ, а лицомъ къ кладбищу. Иду да думаю, какъ это я сбился съ дороги, которую знаю да перезнаю — не понимаю! Не много могъ я такимъ образомъ пройти; то и дѣло все спотыкался. Рѣшился повернуться и побѣжать, что есть духу, а сзади точно кто хватаетъ, все хватаетъ... Прибѣжалъ снова на поляну, за которой, какъ копны, неясно виднѣлись крестьянскія избы. Я остановился, чтобы перевести духъ, какъ вдругъ завидѣлъ передъ собою невдалекѣ огромное бѣлое чудовище. Ноженьки мои подкосились, ружье, какъ соломинка, тряслось въ рукахъ; даже въ горлѣ захрипѣло. А привидѣніе все идетъ да размахиваетъ своимъ длиннымъ не то балахономъ, не то саваномъ... Что же это все значитъ — чудовище все идетъ, а не подходитъ? Не зналъ я на что рѣшиться: бѣжать ли, или подойти да стрѣльнуть. Подойду. Иду себѣ такъ робко и ружьемъ все прицѣливаюсь... Смотрю, а это на длинныхъ жердяхъ холсты вѣтромъ раздуваетъ! Фу!... Такъ отъ сердца и отлегло; даже плюнулъ — съ досады или съ радости, ужъ не знаю...

Тутъ я пошелъ уже смѣло и спокойно, подумавъ: вотъ если бъ я, не убѣдившись, убѣжалъ давеча, тогда никто не разувѣрилъ бы меня, что это не настоящее привидѣніе или мертвецъ...

Всѣ на усадьбѣ спали, когда я воротился къ себѣ домой.

(Написано въ 1846 г. въ Темниковѣ. Переписано въ 1860 г.)

Передъ Пасхой я получилъ отъ Аносова письмо, въ которомъ онъ проситъ поскорѣе пріѣхать въ Тамбовъ.

Проведя праздники, на Ѳоминой я уѣхалъ изъ Темникова. И на этотъ разъ возница мой былъ татаринъ изъ деревни Карова. Ужъ и дорога жъ была въ распутицу-то! пожалуй, горше зимней. Мосты и гати какъ будто для того и созданы

были, чтобы до полусмерти измучить, истиранить проѣзжихъ людей. Господи, Боже мой! будутъ ли когда-нибудь у насъ на Руси дорожки получше!...

Тамбовъ.

Аносовъ, вся труппа и особенно Волковъ встрѣтили меня съ большою радостію. Антрепренеръ самъ предложилъ мнѣ условія: 500 руб. ассигн. въ годъ и одинъ бенефисъ. Весной по театру дѣла шли плоховато. Помѣщики разъѣхались по деревнямъ, а купцы по ярмаркамъ, стало-быть и намъ приходилось пуститься за ними на добычу. Труппа наша пополнилась еще вновь пріѣзжими лицами: прибылъ Порфирій Аксаковъ на роли злодѣевъ. Пьяница, драчунъ и забулдыга онъ былъ страшный! Онъ хвастался тѣмъ, что ни одна лошадь не смѣетъ похвалиться, чтобы когда-нибудь возила Порфирія Аксакова.

Да и въ самомъ дѣлѣ и на этотъ разъ онъ пришелъ пѣшкомъ изъ Тулы, гдѣ служилъ у содержателя Азбукина на первыхъ драматическихъ роляхъ. По разсказу видно было, что онъ тамъ подрался съ Азбукинымъ и съ актерами, за что полиціею и былъ выгнанъ изъ города. Кромѣ его, поступили къ намъ: на роли простаковъ — Соболевъ; Гусевъ, мой астраханскій товарищъ, — актеръ на разныя роли, затѣмъ на роли старухъ — Лиханская и молоденькая актриса Софья Соколова. Такой прибытокъ далъ возможность антрепренеру раздѣлить труппу на двѣ части. Онъ и рѣшилъ одну половину отправить въ Кирсановъ, а другую въ Темниковъ. Я попалъ въ первый составъ. Декораціи, костюмы, вся труппа и музыка — все это отправилось на тройкахъ съ протяжными извозчиками. Въ иныхъ деревняхъ не могли понять — что за народъ такой ѣдетъ? Одинъ только, вѣроятно, бывалый человѣкъ, воскликнулъ: „Знаю, знаю — это, ребята, балаганщики!“

Кирсановъ.

Въ Кирсановѣ насъ тоже встрѣтили съ немалымъ удивленіемъ. Сказывали, въ этомъ городѣ еще театра никогда не видывали. Помѣщеніе для нашихъ представленій дали въ сараѣ, половину котораго занималъ разный скотъ, пригнанный на

продажу. Съ большимъ любопытствомъ жители города слѣдили за постройкою невиданнаго ими зрѣлища; даже ночью народъ толпился. Въ сущности устройство театра было немудреное: сцену поставили на козлахъ, сзади въ родѣ клѣтушекъ пристроили уборныя, оркестръ отъ публики отдѣлили жердями, обернутыми въ цвѣтной коленкоръ. Въ зрительномъ залѣ въ этомъ же родѣ, по бокамъ, сгородили 12 ложъ. Полъ подъ стульями и скамейками усыпали пескомъ, а стѣны и потолокъ обтянули грубымъ полотномъ по которому декораторъ Стотти разрисовалъ или, лучше, намалевалъ причудливые фигуры и узоры. Лампы съ масломъ и канделябры съ сальными свѣчами освѣщали театръ. Въ первый спектакль даны были пьесы: „Параша-сибирячка", драма Полевого и водевиль „Любовное зелье". Публики набралось столько, что яблоку негдѣ упасть. Ходенёмъ заходила сцена, когда мы выступили на нее. Публика съ полнымъ удовольствіемъ и вниманіемъ слѣдила за представленіемъ. Въ драмѣ многіе, особенно дамы, плакали навзрыдъ, въ водевиляхъ же смѣялись отъ души. Какъ въ первое, такъ и въ послѣдующія представленія, всѣхъ смѣшили сосѣди: въ самыя-то интересныя сцены вдругъ изъ другой половины сарая раздавалось то мычанье коровы, то визгъ свиней, или овцы забякаютъ, а надъ головами публики иногда неожиданно раздастся звонкое „кукареку!" Ну, конечно, всѣ разразятся неудержимымъ смѣхомъ. Несмотря на всѣ эти маленькія неудобства, публика все-таки уходила довольная.

Хотя мы сдѣлались любимцами кирсановской публики, однакоже городничій призвалъ антрепренера и спросилъ:

— Всѣ ли у тебя служащіе имѣютъ законные виды?

Боясь скрыть правду, Аносовъ признался, что у немногихъ есть паспорта. Начальникъ города пожурилъ его, замѣтивъ:

— Смотри у меня!... Вести себя смирно! А если что случится, сейчасъ въ кандалы и маршъ!

Послѣ десяти спектаклей мы снова отправились на ярмарку въ г. Ломовъ. Тамъ мы соединились съ другой половиной труппы. Оказалось, что въ Темниковѣ представленія не состоялись по милости Аксакова, сочинившаго тамъ большой скандалъ. Во второй или въ третій спектакль вышелъ онъ на сцену совершенно пьяный и за неодобреніе его игры обру-

галъ всю публику, да такъ, что дамы убѣжали. Оставшіеся зрители, оскорбленные такой неприличной выходкой, тоже ушли изъ театра; а городничій приказалъ — вмѣстѣ съ Аксаковымъ забрать и другихъ актеровъ въ полицію. Тамъ при допросахъ узнали, что Аксаковъ дворянинъ, и по этой причинѣ всѣхъ отпустили. Но послѣ такого событія сборы совершенно пали, и труппа, съ немалымъ убыткомъ, должна была уѣхать изъ города. Въ Ломовѣ, кромѣ Аксакова, котораго прогнали, составъ труппы былъ достаточный, чтобы играть пьесы съ большой обстановкой. Тутъ шли: Гамлетъ, Скопинъ-Шуйскій, Жизнь игрока, Параша-сибирячка, Отецъ и дочь, и проч. Конечно, декораціи, костюмы и аксессуары были бѣдны; очень многаго недоставало. И русскія и переводныя пьесы — все шло почти при однѣхъ и тѣхъ же декораціяхъ и костюмахъ, съ передѣлкой конечно. Случалось, когда не хватало чулокъ, то художникъ нашъ Стотти (декораторъ) мазалъ намъ ноги черной или коричневой краской. На придворныхъ красовались тульи фуражекъ, обшитыя позументомъ; перья косачей или пѣтуховъ замѣняли страусовыя; женскія кацавейки, чулки и другіе наряды шли тоже въ дѣло. Публика на эти недостатки мало обращала вниманія; она довольствовалась игрою актеровъ.

Изъ Ломова мы отправились въ Урюпинскую станицу. Тамъ осенью бываетъ большая ярмарка. По прибытіи туда насъ встрѣтили дожди и холода. Каменный театръ еще не совсѣмъ былъ достроенъ; часть сцены и уборная такъ и остались покрытыми лишь лубкомъ. Когда пошелъ снѣгъ, то мы имѣли удовольствіе на сценѣ ходить по сугробамъ.

И въ этакую-то стужу приходилось намъ разыгрывать въ легкихъ костюмахъ и чулкахъ. А ужъ бѣдныя актрисы, просто, ежились въ три погибели. Отъ такого ли побыта или отъ другой какой причины, но только труппа съ антрепренеромъ и даже между собою стали жить не ладно. Къ этому еще Аносовъ сталъ насъ кормить плохо, да и жалованье тоже выплачивалъ скудно. Еще въ началѣ ярмарки мы съ Волковымъ написали письмо въ Воронежъ къ Млатковскому съ предложеніемъ нашихъ услугъ, и хотя отъ него получили приглашеніе, но только на дебюты, и притомъ денегъ на проѣздъ онъ не прислалъ. Этимъ временемъ узнали мы, что и въ Пензѣ на зиму устраивается театръ, содержателемъ кото-

раго будетъ помѣщикъ Иванъ Николаевичъ Горскинъ. Порѣшили мы съ Волковымъ, Гусевымъ и Соболевымъ удрать туда тихонько отъ Аносова. Предварительно пославъ въ Пензу письмо, мы вскорѣ получили отвѣтъ съ приглашеніемъ пріѣхать поскорѣй. Дѣло сдѣлано. Но какъ быть съ Аносовымъ? Хоть у товарищей моихъ паспортовъ не было, но вѣдь за нимъ были зажитыя деньги. Разсудили ѣхать безъ всякихъ расчетовъ и объясненій. Къ счастію, паспортъ мой находился при мнѣ, а въ то время съ однимъ видомъ можно было и втроемъ разъѣзжать повсюду. Тайкомъ отъ всѣхъ наняли извозчика, уже знакомаго съ порядками ѣзды съ актерами, т.-е. поить, кормить и до мѣста не требовать денегъ. И такъ около 20-го октября, мы втроемъ ночью пустились или, лучше, убѣжали изъ труппы Аносова.

Пенза.

(24 октября 1846 года.)

Въ городъ Пензу въѣхали мы вечеромъ довольно поздно. Помѣстились на постояломъ дворѣ. Утромъ, исправивъ по возможности свой невзрачный нарядъ, отправились въ домъ Ивана Николаевича Горскина. Театръ находился тамъ же. Въ конторѣ насъ принялъ управляющій ласково и всѣ дорожныя издержки уплатилъ, кромѣ того по просьбѣ нашей далъ еще, въ счетъ будучихъ благъ, денегъ. Пока все шло хорошо. Самого Горскина еще не было въ городѣ, но его ждали со дня на день. Въ театрѣ въ это время доканчивалась передѣлка. Декораціи, костюмы и вся обстановка, какъ видѣлось, готовились на большую ногу.

Вскорѣ прибыли въ составъ труппы: драматическій актеръ Санковскій и съ нимъ актриса Таисія Стрѣлкова, Лабутинъ на роли первыхъ комиковъ, а за нимъ вслѣдъ пріѣхавшія изъ Тамбова: Софья Соколова, Колосова, и изъ Астрахани — Вѣтроцинская. Пріѣхалъ наконецъ и самъ И. Н. Горскинъ, тотчасъ же всѣхъ насъ потребовалъ на лицо и, какъ Гамлетъ, пожелалъ извѣдать образчики нашихъ дарованій. Каждый изъ насъ, поочередно, кто продекламировалъ, кто прочелъ сцены изъ комедій и водевилей. Прослушавъ терпѣливо, И. Н. Горскинъ высказалъ намъ очень дѣльныя замѣчанія. При этомъ

самъ прочиталъ изъ драмы „Параша-сибирячка“ сцену Неизвѣстнаго. И надо сказать по справедливости — прочелъ удивительно какъ хорошо.

На видъ онъ былъ высокаго роста, голова съ сѣдиной, глаза изъ-подъ нависшихъ бровей, казалось, метали искры. Вообще въ манерахъ и въ обращеніи его проглядывали гордость и барская сановитость. Мы слышали стороной, что будто бы онъ былъ сосланъ на житье въ Пензу. Сказывали также, что онъ игралъ гдѣ-то въ „Парашѣ-сибирячкѣ“ роль Неизвѣстнаго съ большимъ успѣхомъ (вѣроятно съ любительскимъ обществомъ). Этому можно повѣрить, судя по его чтенію. Послѣ нашихъ испытаній И. Н. пригласилъ всѣхъ насъ къ себѣ на чай и ужинъ. Тамъ, у себя, представилъ всю труппу гостямъ, пензенскимъ аристократамъ.

Скоро начались репетиціи, а черезъ недѣльку этакъ открылись и спектакли. Подъ руководствомъ Горскина пьесы шли гладко, опрятно. Раздирающихъ драмъ не давали, а играли легкія драмы, комедіи, оперетки и водевили. Больше всѣхъ имѣли успѣхъ Санковскій и Стрѣлкова. Меня также одобрили въ 3-мъ актѣ „Аскольдовой могилы“ и въ водевилѣ „Анютины глазки“. Въ зимній сезонъ нерѣдко И. Н. Горскинъ приглашалъ къ себѣ, послѣ спектаклей, на ужинъ, гдѣ онъ и гости награждали насъ подарками.

Жалованье всѣ мы получали хорошее. Слѣдовало бы скопить деньжонокъ, такъ не тутъ-то было! Попрежнему все проживалось, не думая о будущемъ, и когда наступилъ Великій постъ, то у немногихъ оказались капиталы. По окончаніи сезона Горскинъ объявилъ намъ, что до слѣдующей зимы держать труппу не будетъ. Итакъ безпечные дружки — мы остались какъ раки на мели. Что дѣлать? какъ быть? Надумали пустить въ ходъ письма въ разныя стороны, кому куда вздумалось. Я послалъ въ Тулу, Новочеркасскъ, Воронежъ и Таганрогъ. Ожидая приглашенія, мы тѣмъ временемъ проживали послѣдніе гроши, а потомъ пришлось продавать или закладывать все, что считалось излишнимъ. Нѣкоторые изъ труппы, получивъ приглашеніе, уже уѣхали. Я же все сижу и жду. Самъ-то я едва перебивался, а тутъ еще ко мнѣ пріютился Ѳедоръ Кравченко, актеръ на разнохарактерныя роли.

Вотъ и постъ близится къ концу, а я все отвѣта не получаю ниоткуда. Что дѣлать? видно придется куда-нибудь пѣшкомъ прогуляться.

— Что жъ!... это намъ не въ диковинку! замѣчаетъ Кравченко.

— Такъ-то такъ, а все бы лучше ѣхать по приглашенію, — отвѣтилъ я.

Въ такомъ печальномъ положеніи сидимъ мы, не зная на что рѣшиться. Какъ вдругъ входитъ въ нашу комнату жандармъ съ объявленіемъ: немедленно актеру Лаврову явиться къ губернатору... Даже въ дрожь и жаръ бросило меня...

— Господи, Боже мой!... Что это такое значитъ? пробормоталъ я. — Зачѣмъ это, голубчикъ, меня требуютъ? не знаешь? робко спросилъ я жандарма.

— Не могимъ знать! отвѣтилъ онъ невозмутимо.

— Такъ я приду...

— Никакъ нѣтъ! Пожалуйте со мною! Приказано доставить.

— Хорошо, хорошо!... пойду... пролепеталъ я: вотъ только одѣнусь... „Кажется ничего такого я не сдѣлалъ...“ думаю про себя. Собравшись, простился съ Ѳедоромъ и ушелъ, или лучше сказать—уведенъ былъ жандармомъ. Со страхомъ и трепетомъ вступилъ я въ губернаторскій домъ. Въ канцеляріи правитель дѣлъ спросилъ меня:

— Вы писали въ таганрогскую дирекцію театра?

— Да-съ... писалъ-съ... отвѣтилъ я съ замираніемъ сердца.

— Ну, такъ, вотъ вамъ отвѣтъ оттуда... Князь Ливенъ, градоначальникъ и попечитель таганрогскаго театра, изъявилъ согласіе принять васъ. Вотъ вамъ присланы и деньги 150 руб. асс. на путевыя издержки. Если согласны — возьмите деньги и подпишите обязательство, что немедленно отправитесь въ Таганрогъ.

Озадаченный и обрадованный такой неожиданностію, я ужъ не помню, что отвѣтилъ. Пришелъ въ себя только на улицѣ, держа въ одной рукѣ деньги, а въ другой свидѣтельство на проѣздъ. Паспортъ же мой взяли для пересылки въ Таганрогъ. Иду къ дому и ногъ подъ собой не слышу. Еще издали, завидя Кравченко, кричу:

— Ѳедька! Ура! наша взяла!...

Онъ бѣдняга, хотя и сочувствовалъ моей радости, но еще

болѣе сталъ сокрушаться о своей судьбѣ. Сталъ онъ упрашивать меня взять его съ собою.

— Что жъ! авось не пропадемъ?... Какъ-нибудь доѣдемъ оба.

Несказанно возрадовался Ѳедоръ моему согласію. Да оно и ѣхать-то вдвоемъ повадней и веселѣй. Купили мы тулупы, валенки, теплыя шапки. Затѣмъ пошли искать — нѣтъ ли какихъ попутчиковъ. Къ счастію, подвернулся желанный случай. Отъ купца Мочалова именно въ Таганрогъ посылались три подводы съ товарами. Насъ охотно согласились посадить за 50 руб. асс. Вотъ чудесно! Какъ это все кстати пришлось! Седьмого марта 1847 года выѣхали мы съ Кравченко въ далекую стороношку, къ морю Азовскому. А ѣхать придется больше тысячи верстъ, и лежитъ нашъ путь все степью необозримой. Ну, съ Богомъ! Прощай, Пенза.

Помѣстили насъ на передкѣ, въ широкихъ саняхъ — любо! Но вотъ черезъ два дня опять наступили холода и метели. Жутко пришлось намъ, странничкамъ. Кравченко одѣтъ-то былъ поплоше моего, по этой причинѣ и заглядывалъ частенько въ кабачки. Въ одну изъ большихъ запряжекъ мы такъ зазябли, что не чаяли доѣхать живыми до ночлега. Ѳедоръ ужъ сталъ засыпать, да и меня тоже такъ и клонило ко сну. Возчики, увидя такую бѣду, принялись лѣчить по-своему. Сперва раздѣли до нага насъ, потомъ тотчасъ же одѣли, обули и, схвативъ подъ руки, заставили пробѣжать дорогой. Ужъ мы ихъ и ругали и молили лучше бросить насъ на дорогѣ, лишь бы не мучить такъ. Но черезъ нѣсколько минутъ почувствовали теплоту, оживленье, а затѣмъ даже и жарко стало.

— Ну, други, спасибо! спасли насъ! И дивно это, какъ мы скоро разогрѣлись!

— Да, отвѣтили извозчики. Хорошо еще что во-время заприметили, а то бы тутъ вамъ и остаться. Мы въ дорогѣ-то коли зазябнемъ — все такъ-то отогрѣваемся.

Не долго насъ гнали холода и бураны. Время ли подходило къ веснѣ, или мы стали поближе къ теплой сторонѣ, только вдругъ подулъ теплякъ, и въ воздухѣ стало какъ-то мягко, хорошо таково... Ну, какъ есть — весной дохнуло. Дорога сразу зачернѣла, замокла. А тамъ по сторанамъ, балками и по овражкамъ, зарѣчилась водица. По небу высоко

тянулись стаи журавлей да гусей. И все-то держатъ въ нашу сторонушку! Ишь какъ весело курлычутъ да гогочутъ!

— Путь вамъ — дорога! кричу имъ. Кланяйтесь нашимъ! А ты, Ѳедька, что же лежишь, какъ полѣно, не полюбуешься?

— Да что любоваться-то? невидаль какая! лѣниво отвѣтилъ онъ. Вотъ кабы шинокъ поскорѣе, такъ я охотно бы заглянулъ въ него, освѣжился бы... А то очень паритъ! жарко!

— Да развѣ вино холодитъ?

— А то какъ же! намедни мы съ тобой отъ него чуть-чуть не замерзли.

Распутица въ самомъ дѣлѣ наступила сильная. Съ каждымъ днемъ становилось все теплѣе и теплѣе. Балки такъ налились, что мѣстами переѣзжали ихъ чуть не вплавь. Вотъ и Пасха наступаетъ (24 марта), а мы еще и до Новочеркасска не дотянули. Пришлось у рѣчонки Свинушки остановиться и въ небольшой хохлацкой деревушкѣ встрѣтить день свѣтлаго праздника. А какъ церкви тутъ не было, то въ просторной хатѣ всѣ мы вкупѣ съ жителями деревни отслужили заутреню. Никакъ я не могъ подладится къ хохламъ; они нѣли по своему говору и на свой ладъ. Однако, хотя и безъ попа, а все-таки справили по-христіански. Послѣ службы похристосовались другъ съ другомъ и засѣли къ большому столу, изобильно установленному яствіемъ и питіемъ. Первую минутку однакожъ мнѣ взгрустнулось: вспомнилъ я тутъ и родныхъ и друзей-товарищей. Ну, а потомъ, какъ глотнули по чаркѣ да по другой — такъ и стало на душѣ повеселѣе...

Должно быть дня три или четыре простояли мы въ Свинушкахъ, пока справили нарóмъ. Не безъ сожалѣнія разстался я съ добрыми хлѣбосольниками-хохлами. Хорошій народъ! Новочеркасскъ, столицу донскихъ казаковъ, не довелось мнѣ видѣть; вечеромъ пріѣхали, а утромъ на разсвѣтѣ выѣхали. Вотъ и Ростовъ на Дону. Городъ большой, но грязный, какъ и всѣ уѣздные города. Зато жъ здѣсь рѣка Донъ очень красива, особенно теперь, въ разливѣ. У пристани стояло множество судовъ и лодокъ.

— Вотъ скоро и море Азовское увидимъ, — сказалъ возчикъ.

И вправду завидѣли вдали блестящую, широкую морскую поляну. Въ туманѣ еле виднѣлся Таганрогъ.

— Ну, что-то будетъ? подумалъ я.

— Ахъ, что насъ ждетъ? со вздохомъ проговорилъ Кравченко, точно отвѣчая на мою мысль.

— А ты, Ѳедька, главное дѣло — не робѣй! Чѣмъ больше робѣть — тѣмъ хуже!...

Таганрогъ.

(3 апрѣля 1847 года.)

Недоѣзжая станціи до города, передъ нами широко раскинулось море Азовское. У Таганрогской пристани и дальше, по возморью, виднѣлись мачты судовъ и кораблей. При въѣздѣ Таганрогъ показался намъ лучше иныхъ губернскихъ городовъ. Возницы наши остановились близъ базара, на постояломъ дворѣ, гдѣ и мы пріютились въ грязной, маленькой каморкѣ. Утромъ раненько отправились мы обозрѣвать городъ. Онъ еще больше понравился мнѣ, чѣмъ вчера. Побывали въ прелестномъ городскомъ саду, гдѣ находился памятникъ императору Александру Первому; потомъ пошли на пристань, — тутъ всюду суетился народъ, производя страшный шумъ и гамъ. Большіе корабли, по мелководью, стояли далеко отъ берега. Досадно, нельзя ихъ разсмотрѣть хорошенько, а они такъ красиво выглядятъ. Ну, Богъ дастъ, поживемъ — увидимъ.

Возвратясь домой, послали письмо къ режиссеру Ѳедору Сергѣевичу Кочевскому, спрашивая у него, къ кому намъ должно представиться.

— Ѳедька, какъ намъ быть? обратился я къ Кравченко. Одежонка-то на насъ куда какъ неказиста! Я еще туда и сюда какъ-нибудь обряжусь, а тебѣ такъ ужъ совсѣмъ не въ чемъ явиться. Въ нагольномъ полушубкѣ да въ валенкахъ къ начальству ввалиться не гоже.

— А я, знаешь какъ, Ваня, — отвѣтилъ Ѳедоръ: скажусь больнымъ; а ты пойдешь тамъ къ кому треба и устроишься, опосля и обо мнѣ похлопочешь. Такъ гарно будетъ?

— Ладно, хорошо!

Въ это время вошелъ служитель и объявилъ:

— Тамъ какіе-то господа васъ спрашиваютъ!

— Вотъ-те на!... Какъ снѣгъ на голову! Вѣрно, актеры здѣшніе. Ложись, Ѳедька, скорѣе да притворись хорошенько больнымъ. Поди, любезный, проси сюда этихъ господъ.

Черезъ минуту въ наше убогое жилище вошли, какъ оказалось, трое актеровъ изъ таганрогской труппы. Первый вошедшій, солидный и уже пожилыхъ лѣтъ, былъ режиссеръ Ѳ. Е. Кочевскій, другіе, которыхъ онъ отрекомендовалъ, были: Вячеславъ Андреевичъ Дорошенко и Александръ Ѳедоровичъ Деклеръ — эти оба были молодой народъ и состояли первыми персонажами по сценѣ. Всѣ они любезно и привѣтливо поздравили насъ съ пріѣздомъ. Но обстановка ли наша или моя молодость, можетъ быть, навели сомнѣніе о нашихъ актерскихъ дарованіяхъ, только я замѣтилъ, что оба они, т.-е. Дорошенко и Деклеръ, какъ-то насмѣшливо улыбались, ведя разговоръ. Особенно Дорошенко своей хитрой рѣчью и лукавыми глазами просто приводилъ меня въ смущеніе и досаду. Ѳедька роль больного игралъ очень хорошо. Они его пожалѣли и, уходя, на прощаньи, обѣщали прислать театральнаго доктора. Проводивъ будущихъ собратовъ, я обратился къ Кравченко:

— Ну, вставай! Будетъ тебѣ разыгрывать больного! Пожалуй еще переиграешь и въ самомъ дѣлѣ заболѣешь.

— Да мнѣ тутъ на лежанкѣ-то ужъ больно хорошо! Пригрѣлся такъ, что и разстаться не хочется. Ну, Ваня, какъ показались тебѣ здѣшнія птицы?

— А кто жъ ихъ знаетъ, каковы они на самомъ дѣлѣ. Кочевскаго ужъ по лицу, по манерѣ и разговору видно, что дѣльный актеръ и должно быть хорошій, добрый человѣкъ. А объ другихъ не знаю какъ сказать... Деклеръ очень вертлявъ и, кажется, все вретъ; себя черезчуръ выхваляетъ. Дорошенко, по моему взгляду, тоже, должно быть, актеръ хорошій; онъ красивъ собою, и манеры такія ловкія. Только, по всей вѣроятности, онъ плутъ и бестія такая, что держись-гляди!... Замѣтилъ ты, какъ онъ посматривалъ то на помѣщеніе, то на наши жалкіе пожитки?... Мнѣ все казалось — онъ такъ и хочетъ сказать: а гдѣ же ваши вещи, сундуки, чемоданы? или вы явились къ намъ такъ, какъ есть?... У! чортъ тебя побери, проклятый хохолъ!...

— Ну, полно, Ваня, не середись! Онъ мнѣ землякъ... И вы — русскіе часто ошибаетесь въ насъ. Можетъ быть, на самомъ дѣлѣ, онъ и не таковъ, какимъ ты его себѣ представляешь.

— Ну, да ладно! Толкуй тутъ! Поживемъ, такъ увидимъ!

На другой день, обрядившись, охолившись насколько возможно, явился я къ директорамъ: полковнику Акиму Адамовичу Цельнеру и прокурору Эпаминонду Осиповичу Флуки. Первый встрѣтилъ меня довольно сухонько и очень сильно напиралъ на дебюты, которые могутъ выяснить условія дирекціи. Э. О. Флуки, при первомъ же моемъ вступленіи въ его кабинетъ, отнесся ко мнѣ такъ дружелюбно, привѣтливо, что я невольно оживился и повелъ съ нимъ бесѣду безъ стѣсненія. Разсказалъ ему о своемъ житьѣ-бытьѣ въ театрахъ Астраханскомъ, Тамбовскомъ и Пензенскомъ. Но онъ больше всего обрадовался тому, что у меня есть голосъ. И самъ Флуки, оказывается, любилъ пѣть и музыку зналъ хорошо; онъ объяснилъ мнѣ, что у нихъ именно недоставало актера съ голосомъ. Э. О. съ этого же раза, какъ видится, расположился ко мнѣ. Оставивъ меня обѣдать, познакомилъ съ своею женою, гречанкой. Она тоже была музыкантша. Послѣ обѣда я пропѣлъ имъ, что зналъ. Они остались довольны моимъ голосомъ,— замѣтили однакожъ, что мнѣ надо поучиться пѣнію, тутъ же и рѣшили дебютировать мнѣ въ пьесахъ: „Аскольдова могила“ (опера), „Мнимый невидимка“ (оперетта) и въ водевилѣ „Женщина-лунатикъ“. При прощаньи Э. О. Флуки обѣщалъ познакомить меня съ учителемъ пѣнія Риссо, который будетъ давать мнѣ уроки безденежно.

Итакъ довольный и радостный воротился я домой.

— Ну, что? какъ дѣла? спросилъ Кравченко.

— Да ничего себѣ! Одинъ директоръ встрѣтилъ не очень-то дружелюбно; зато другой и принялъ и обласкалъ какъ нельзя лучше. Завтра надо итти на репетицію, чтобы познакомиться съ труппой.

— А насчетъ меня говорилъ что-нибудь?

— Какъ же; говорилъ съ однимъ Флуки. Тебѣ тоже дадутъ дебюты. Но надо прежде мнѣ освоиться и добыть денегъ, а то въ чемъ ты явишься? До поры до времени посиди да погуляй по городу.

— Нѣтъ, знаешь что, Ваня? Пойду-ка я, этакъ вечеркомъ, къ Дорошенко, объясню ему мое положеніе. Онъ землякъ; думаю, что онъ не откажетъ мнѣ въ помощи,— совѣтовался Ѳедоръ.

— Ну, что жъ, сходи. Можетъ и дѣло сдѣлаешь, — согласился я.

Театръ находился на большой улицѣ, въ каменномъ невзрачномъ зданіи, противъ клуба. Сзади театра тянулся заборъ, окружавшій пустынный, заросшій бурьяномъ дворъ. Съ боку театра, фасадомъ во дворъ, стоялъ одноэтажный флигель, въ которомъ помѣщался театральный людъ. Тутъ жили: костюмеръ, служащіе разные и нѣкоторые изъ актеровъ и актрисъ. Внутренность театра очень незавидна: стѣны закоптѣлыя, лѣстницы и коридоры узкіе; помѣщеніе въ зрительной залѣ не особенно велико, пожалуй не больше Тамбовскаго. Сцена и уборныя тоже съ плохими удобствами, но все-таки гораздо лучше, чѣмъ въ Астраханскомъ и Тамбовскомъ театрахъ. Какъ видится, по хозяйству и по службѣ вообще заведенъ порядокъ. Даже прислуга — капельдинеры одѣты въ форменный нарядъ съ лампасами и свѣтлыми пуговицами. Театръ состоялъ подъ покровительствомъ свѣтлѣйшаго князя Ливена. Имъ и выбраны были въ директора Цельнеръ и Флуки. Сказывали, что по завѣщанію покойнаго императора Александра I отпускается для театра пособіе деньгами.

На репетиціи Ѳ. С. Кочевскій представилъ меня таганрогской труппѣ *).

---

*) Петровскій, ветеранъ сцены, 80 лѣтъ.

Ѳ. С. Кочевскій, драматическій и комическій актеръ, лѣтъ 50-ти.

В. А. Дорошенко, на роляхъ фатовъ и любовниковъ.

Семенъ Родіоновичъ Леоновъ, изъ воспитанник. Петербургск. театр. школы, въ драмахъ.

Деклеръ, А. Ѳ., драм. актеръ, — злодѣевъ и также вертопраховъ въ водевиляхъ.

Семенъ Андреевичъ Горскій, на роляхъ комиковъ и стариковъ.

Вильковскій, преимущественно на малорос. роляхъ.

Бушено, второй комикъ и тоже на малорос. роляхъ.

Смирновъ, Конст. Петровъ, — молодыхъ комиковъ и вертопраховъ, братъ петерб. танцовщ.

Выходцевъ, на роляхъ простаковъ и стариковъ.

Анастасьевъ-Монетти, суфлеръ.

Ѳедоровъ, Декельшъ, Васильевъ, Масленниковъ — играющіе малыя роли; они же хористы и статисты.

При труппѣ находились два дирижера, декораторъ (Сорокинъ), секретарь, костюмеръ, бутафоръ, двое портныхъ, двѣ портнихи, два парикмахера, четыре капельдинера, кассиръ, и два сторожа. Оркестръ состоялъ изъ 15-ти музыкантовъ-нѣмцевъ, подъ управленіемъ капельмейстера Фрича. Жалованья первые персонажи получали отъ 1000 и до 1500 р. ассигнаціями. Нѣкоторые имѣли по условію по два и по одному бенефису въ годъ. Вторые сюжеты отъ 300 до 700 руб. ассигнаціями въ годъ и немногимъ давались бенефисы, и то по заслугамъ. Остальные служащіе получали 100, 150 и 200 руб. асс. въ годъ.

Вотъ въ такой-то составъ предстояло и намъ съ Кравченко вступить, если только удадутся дебюты.

Первый выходъ мой на сцену былъ въ воскресенье. Игралъ я Торопку въ „Аскольдовой могилѣ". Шелъ только одинъ третій актъ. И здѣсь въ этой роли я имѣлъ хорошій успѣхъ. Во второмъ дебютѣ исполнилъ роль Лидина въ опереткѣ-водевилѣ: „Женщина-лунатикъ" и потомъ въ фарсѣ: „Гамлетъ Сидорычъ". На этотъ разъ только въ фарсѣ принимали хорошо, а въ опереткѣ „Женщина-лунатикъ" пріемъ былъ посредственный. Роль Лидина была мнѣ не подъ силу, по неопытности, да къ тому же ее прежде исполнялъ любимецъ публики — Дорошенко. Только въ пѣніи имѣлъ передъ нимъ преимущество. Въ этой опереткѣ очень хороша была

Дубровинъ, Лебедевъ Ив., Монинъ — на разныя роли.

Кочевская, драматическая старуха.

Александра Ѳирсовна Розанова, первая актриса въ драмахъ, операхъ и водевиляхъ.

Елизавета Ѳирсовна Розанова 2-я, на роляхъ вторыхъ любовницъ.

Александра Антиньевна Дубровина, на роляхъ старухъ и свѣтскихъ дамъ.

Вильковская, — въ водевиляхъ, операхъ и въ малорос. пьесахъ.

Надежда Валент. Дорошенко, на роляхъ субретокъ и малорос. роляхъ.

Горская, на роляхъ молодыхъ дамъ.

Воробьева, на вторыхъ роляхъ старухъ.

Соколова, Надеждина, Златопольская, Петрова, Дубинина — актрисы-статистки и въ хору.

А. Ѳ. Розанова. Послѣ второго дебюта дирекція предложила мнѣ 700 руб. асс. и одинъ бенефисъ въ годъ. Условіе на три года. Конечно, я съ радостію на это согласился. Кравченко, по ходатайству Дорошенко, тоже игралъ, но не удачно: взялъ роли не по силамъ. Онъ не много послужилъ; вмѣстѣ съ Деклеромъ уѣхалъ въ Харьковъ къ Млатковскому, гдѣ сестра Кравченко была первой актрисой.

Репертуаръ Таганрогскаго театра былъ богатъ. Давали трагедіи, драмы,—даже Шекспира, кромѣ того: комедіи Мольера, Гоголя, Грибоѣдова и переводныя пьесы, а также оперы, оперетты, водевили, фарсы и интермедіи. Въ труппѣ были исполнители съ недюжиннымъ дарованіемъ, а главные персонажи такъ и съ очень большимъ талантомъ, какъ напримѣръ А. Ѳ. Розанова, Кочевская, Вильковская и Дубровина. Изъ мужчинъ особенно выдѣлялись: Кочевскій, Дорошенко, Вильковскій, Леоновъ и проч. Петровскій старикъ, несмотря на преклонные года, до сихъ поръ исполняетъ нѣкоторыя роли очень хорошо.

Вскорѣ, послѣ моего вступленія, часть труппы назначили въ отъѣздъ на ярмарку въ Ростовъ. Мнѣ очень хотѣлось попасть туда, но Флуки, для моего развитія, велѣлъ мнѣ посѣщать классы у учителя танцевъ Морица, и потомъ къ учителю музыки — Риссо. Конечно, это было хорошо, полезно для меня. Я, вѣдь, ни о танцахъ, ни о музыкальной премудрости никакого понятія не имѣлъ; всегда роли съ пѣніемъ разучивалъ подъ скрипку.

Досадно было смотрѣть мнѣ, когда отправляли нашихъ въ Ростовъ на пароходѣ. Ихъ сопровождала таганрогская молодежь. Какъ отчалилъ отъ пристани пароходъ, тотчасъ на палубѣ грянула музыка и начались танцы.

— Ну, что жъ! промолвилъ я, провожая ихъ глазами. — Веселитесь, други, а мы за васъ поскучаемъ.

Оставшаяся въ Таганрогѣ часть труппы почти бездѣйствовала. Изрѣдка, больше по праздникамъ, давали спектакли, да и то при малыхъ сборахъ. Уроки мои шли не очень-то успѣшно, особенно танцы, къ которымъ я совершенно не имѣлъ способности: точно медвѣдь ворочался со стуломъ. Морицъ бился, бился со мною и, потерявъ терпѣніе, отказался учить меня. Зато у Риссо дѣло шло лучше. Хотя и

тутъ эта мудреная наука давалась мнѣ туго. Въ это время Риссо сталъ писать оперу подъ названіемъ: „Альбомъ Обличитель“. Текстъ сочинили Э. О. Флуки и нашъ актеръ-поэтъ Константинъ Петровичъ Смирновъ. Въ этой оперѣ главными дѣйствующими лицами назначены: Розанова 1-я, Вильковская и я.

Въ свободное время любилъ я посѣщать пристань, любуясь, по цѣлымъ часамъ на корабли и на шумящее море Азовское. А частенько бывая съ товарищами въ гостиницѣ „Траторія“, подъ клубомъ, завелъ я знакомство съ моряками русскими и иноземными. Славный народъ моряки! честные, добрые, гостепріимные люди. Я очень полюбилъ ихъ. Днемъ, на пристани, всѣ они такъ бываютъ заняты, что перемолвить некогда; зато вечеромъ подъ клубомъ соберутся они въ дружескій кружокъ за большимъ столомъ и въ чаду табачнаго дыма ведутъ чудныя рѣчи о приключеніяхъ своихъ на моряхъ и въ далекихъ странахъ. Тутъ же довелось мнѣ услышать рѣдкій случай, который произошелъ въ самомъ Таганрогѣ. Давно жители города, особенно греки, хлопотали о построеніи хорошей гавани и мола и еще при этомъ просили о какихъ-то особенныхъ правахъ для ихъ торговли. Имъ все обѣщали и обѣщали... Когда по Россіи путешествовалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, то, въ ожиданіи его пріѣзда въ Таганрогъ, греки изготовили ему просьбу. Надо же такому грѣху быть, что именно въ тотъ день, когда пріѣхалъ великій гость, напустилась отъ Донскихъ гирлъ такая буря, что всю воду Азовскаго залива угнала отъ Таганрога. Бѣдные изъ жителей барахтались по дну бывшаго моря, разыскивая добычу. Государь Наслѣдникъ, увидя такое явленіе, на поданную просьбу, смѣясь, отвѣтилъ:

— Да зачѣмъ вамъ пристань, когда воды нѣтъ!

Съ тѣхъ поръ, говорили, у грековъ таганрогскихъ стали носы еще длиннѣе... А одинъ матросъ, подъ клубомъ, громко произнесъ:

— По-дѣломъ грекосамъ Богъ послалъ такую бѣду; они поѣдомъ ѣдятъ русскихъ. И все нажитое ими богатство пріобрѣли отъ пота и крови нашихъ тружениковъ. Они вкупѣ

съ армяшками, не хуже жидовъ, оплетаютъ русскихъ! благо мы народъ-то податливый да довѣрчивый.

Послѣ отъѣзда труппы въ Ростовъ помѣстился я въ семействѣ Дорошенко. Жена его съ дѣтьми осталась въ Таганрогѣ. Дорошенко прислалъ намъ письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что дѣла по театру идутъ хорошо, и между другими свѣдѣніями и новостями извѣщалъ о предстоящей свадьбѣ Кости Смирнова съ А. А. Дубровиной. Посмѣялись мы этому извѣстію не мало. Дубровина и Костя! Да, вѣдь, онъ ей въ сыновья годится! Для такого случая я вдохновился и написалъ Смирнову посланіе въ стихахъ:

Здорово, мой любезный другъ,
Поэтъ, развалинъ обожатель!...
Счастливый будущій супругъ,
Сокровища преобладатель!
Такъ слышалъ я... Скажи, увѣрь —
Вѣрна ли та молва людская?
И если правда — то повѣрь,
Что мысль твоей мечты — гнилая!
Не сердись, — совѣтъ мой отъ души:
Подумай, разсуди и мнѣ все отпиши.
Я жду отвѣтъ
На мой привѣтъ.
Прощай голубчикъ, будь здоровъ.
Твой вѣрный другъ Иванъ Лавровъ.

Эти стишонки, по полученіи ихъ въ Ростовѣ, тотчасъ же пошли по рукамъ. Надъ влюбленной парочкой стали трунить и зубоскалить, пуще всѣхъ донималъ ихъ Дорошенко. Дѣло кончилось тѣмъ, что Смирновъ съ Дубровиной поссорились, и ужъ неизвѣстно, кто отъ кого отказался. А. А—на за стихи обозлилась на меня такъ, что даже принесла жалобу директору Цельнеру, отъ котораго я и получилъ хорошую головомойку.

Послѣ Ростовской ярмарки труппа воротилась въ Таганрогъ, а вскорѣ, при полномъ составѣ начались спектакли. Тутъ я воочію увидѣлъ, какъ хорошо шли большія пьесы. Кочевскій, какъ передавали мнѣ, бывши въ 40-хъ годахъ въ Одессѣ и Кіевѣ, съ успѣхомъ соперничалъ съ знаменитымъ актеромъ М. С. Щепкинымъ. И здѣсь роль Фамусова

(„Горе отъ ума“), городничаго („Ревизоръ“) и Кочкарева („Женитьба“) — онъ исполнилъ такъ, какъ я себѣ и представить не могъ. Кромѣ того, онъ и въ драмахъ и въ водевиляхъ былъ превосходенъ. Дорошенко тоже былъ превосходный актеръ на роляхъ повѣсъ, фатовъ и особенно въ малороссійскихъ пьесахъ, замѣчательно хорошо игралъ и во французскихъ мелодрамахъ („Записки демона“), а роль денщика Шельменко онъ исполнялъ неподражаемо. Изъ комиковъ выдавались Васильевъ Иванъ, Вильковскій и Горскій. Женскій персоналъ тоже былъ превосходенъ. Первенствующія изъ нихъ были: Розанова 1-я, Кочевская, Вильковская и Дубровина.

Въ началѣ зимняго сезона, наконецъ, была поставлена опера: „Альбомъ Обличитель“. Я игралъ роль влюбленнаго офицера. Музыка написана на италіанскій ладъ. Изучить ее намъ стоило не малаго труда. Однако мы ее все-таки осилили и пропѣли, какъ говорили, не дурно. Молодежь городская, при свиданіи нашемъ подъ клубомъ, высказала намъ лично, кто какъ исполнялъ. Вообще ихъ сужденія были вѣрны и полезны. О пьесѣ сказали, что она неудовлетворительна текстомъ, да и музыка выкрадена изъ оперъ Беллини, съ которымъ Риссо въ молодости учился въ одной музыкальной школѣ. Похвалили только исполненіе Розановой и Вильковской. И это справедливо. Но несмотря на сказанные недостатки, пьеса эта шла довольно часто и публикѣ нравилась.

(1848 годъ.)

Въ этомъ году присоединилась къ нашей труппѣ Елизавета Павловна Полтавцева. Въ первомъ своемъ дебютѣ она, между прочимъ, танцовала „качучу“ и очень понравилась, особенно грекамъ. Да и по правдѣ — она такъ граціозна, такъ хороша собою. Вслѣдъ за нею пріѣхали Иванъ Лебедевъ — на роли молодыхъ комиковъ, и драматическій актеръ Павелъ Щегловъ. Этотъ послѣдній изъявилъ было желаніе дебютировать ролью Альберика въ драмѣ „Чума въ Миланѣ“, но пьеса эта оказалась запрещенной княземъ Ливеномъ потому, что здѣсь, еще до меня, эту роль игралъ Василій Мелентьевичъ Лебедевъ и, какъ сказывали, такой навелъ страхъ и панику, что многіе изъ зрителей, особенно дамы, испуганныя дѣйствіемъ пьесы, не дожидаясь конца драмы, уѣхали изъ театра. Щег-

ловъ поэтому игралъ въ драмѣ „Отецъ и дочь“ роль Доверстона. До второго дебюта онъ не добрался: его за буйство и пьянство выслали изъ города.

На это лѣто всю труппу отправили въ Ростовъ. На первыхъ представленіяхъ я по болѣзни не былъ. Послѣ мнѣ разсказывали, какой скандалъ случился тамъ при открытіи театра. Давали „Ревизора“. Кажется, пьеса эта шла здѣсь еще въ первый разъ... Публики былъ полонъ театръ. Городничій Ростова, какъ на грѣхъ, имѣлъ тоже двойную фамилію, въ родѣ Сквозника-Дмухановскаго. При первыхъ сценахъ начало его коробить; сталъ онъ озираться на публику, которая грохотала, взглядывая на своего городничаго, ихъ утѣснителя. Едва кончился первый актъ, какъ онъ взбѣжалъ на сцену и началъ ругаться и кричать:

— Какъ смѣли вы написать и представлять публично такой пасквиль на начальство?!...

На сценѣ всѣ стояли въ недоумѣніи. Дорошенко вѣжливо, но съ лукавою улыбкой, объяснилъ ему, что пьеса эта написана извѣстнымъ писателемъ Гоголемъ и что ее представляютъ и въ столицахъ. Въ доказательство показалъ ему печатную книгу.

— Врете!... Не можетъ быть, чтобы дозволили такое неприличное глумленье!... Я запрещаю продолжать! Играйте, что-нибудь другое!... кричалъ во все горло озлобленный начальникъ города.

— Но это нельзя, полковникъ!... возразилъ Дорошенко.

— Не позволю, не позволю!... Въ тюрьму васъ всѣхъ упрячу!... оралъ городничій.

Смятеніе поднялось, какъ на сценѣ, такъ и въ зрительной залѣ. Въ это время вдругъ заслышался звонъ колокольчика, который все ближе и ближе приближался къ театру и у крыльца, ведущаго на сцену, смолкъ. Смотрятъ — входитъ директоръ Акимъ Адамычъ Цельнеръ. Онъ и такъ-то былъ человѣкъ горячій, а тутъ, какъ Дорошенко объяснилъ ему всю эту исторію, — не взвидѣлъ онъ свѣта... Кинулся на городничаго съ палкой и, выгнавъ его вонъ со сцены, крикнулъ вслѣдъ:

— Бурбонъ!... Безграмотная скотина!... Видно знаетъ кошка чье мясо съѣла...

Что было послѣ этого съ актерами и публикой, сказать невозможно!... Всѣ огульно какъ заорутъ: го! го! го!... Смѣхъ такой поднялся — насилу унялись. Вся полиція съ своимъ начальникомъ изчезла моментально. Остальныя дѣйствія прошли съ необычайнымъ успѣхомъ. По окончаніи спектакля отъ публики прислана была великая благодарность; при этомъ просили давать эту прекрасную пьесу почаще. Оскорбленный начальникъ города послалъ губернатору жалобу. Но и тутъ его постигла неудача: изъ Екатеринослава прислали ему выговоръ и затѣмъ удалили изъ Ростова.

Дѣла по театру шли превосходно. Въ то же время и въ Новочеркасскѣ находилась труппа подъ управленіемъ извѣстнаго суфлера Иконова и парикмахера Ѳедорова. Они пріѣзжали къ намъ въ Ростовъ, чтобы познакомиться и посмотрѣть, какъ идутъ спектакли. Иконовъ очень меня упрашивалъ поступить къ нимъ; я имъ былъ необходимъ по той причинѣ, что у нихъ имѣлись молоденькія актрисы съ голосами, стало-быть можно со мною ставить оперетки, а актера съ голосомъ у нихъ не было. Но я не могъ согласиться, имѣя условіе.

Послѣ ярмарки ростовской дирекціей данъ былъ приказъ отправить всю труппу въ Бахмутъ на Петропавловскую ярмарку. Около половины іюня выѣхали мы туда. Караванъ составился громадный. Тутъ везли, кромѣ театральнаго состава актеровъ и актрисъ и музыкантовъ, — рабочихъ, служащихъ, везли и разное театральное имущество, какъ-то: декораціи, костюмы и даже мебель. Надобно сказать — въ то время винные откупа имѣли водку плохую и драли за нее немилосердно дорого, а въ Бахмутскомъ уѣздѣ существовала вольная продажа знаменитой малороссійской горилки. Въ виду этого наши пропойцы сгорали отъ нетерпѣнія поскорѣе увидѣть блаженную сторонку. А. А. Цельнеръ, однакожъ, зная нашу слабость, предусмотрѣлъ эту штуку. Онъ распорядился такъ, чтобы стоянки наши были не въ хуторахъ и селахъ, а въ отдаленіи отъ нихъ. И раскинулся же нашъ обозъ, пожалуй, на полверсты будетъ! На становищахъ нашъ караванъ походилъ на таборъ цыганскій. Шумъ, гамъ, брань,

смѣхъ, пѣніе — все это стономъ стояло въ воздухѣ, въ особенности, когда сойдутся къ намъ хохлы и хохлушки для продажи провизіи и горилки. Тутъ пропойцамъ просто удержу не было! Горилка-то дешовая: кувшинъ изрядный, около штофа, продавали копеекъ по 40 и 50 асс. Изъ женскаго персонала только А. А. Дубровина намъ сочувствовала, а всѣ другія бранили не мало. Да и въ самомъ дѣлѣ — имъ съ нами куда какъ было безпокойно.

Бахмутъ.

Въ Бахмутъ пріѣхали мы однако благополучно. Но, Боже мой!... Въ какомъ ужасномъ помѣщеніи приходилось давать представленія! Это былъ сарай, обмазанный глиною, гдѣ прежде ставили скотъ для продажи, или клали шерсть во время ярмарки, а теперь обратили въ храмъ искусства!... Но что-жъ дѣлать! По нуждѣ чего не бываетъ, да намъ и не въ диковинку. Приступили мы къ дѣлу. Въ короткое время все было устроено, и спектакли начались. Публика была хотя и степнякъ, но однако раскусила, что труппа-то не дурна. Съ каждымъ днемъ сборы увеличивались все больше и больше. Директоръ нашъ А. А. Цельнеръ потиралъ руки отъ удовольствія. Репертуаръ шелъ разнообразный: давали драмы съ ужасами, комедіи, водевили, а больше малороссійскія пьесы и дивертисменты. Въ одномъ изъ спектаклей утѣшилъ и насмѣшилъ всю труппу актеръ Выходцевъ. Хотя талантъ имѣлъ онъ дюжинный, но о себѣ очень много думалъ. Пожаловался онъ директору, что ему не даютъ ни одной хорошей роли. А. А. приказалъ дать. Назначили пьесу: „Хороша и дурна“, въ которой онъ игралъ ку́ма-судью. Съ перваго выхода долженъ онъ пѣть довольно большой куплетъ:

«Здравствуй, кумъ ты мой любезный!
Здравствуй, кумушка моя!...» и проч.

И, Боже мой! чего только Выходцевъ не нагородилъ въ этомъ куплетѣ!... И дѣтей-то мѣряютъ аршинами, и на аршины-то ихъ продаютъ!... и такъ дальше несъ все гиль несообразную. Участвующіе на сценѣ такъ и фыркнули... За кулисами тоже поднялся неудержимый смѣхъ... А публика даже

и не смѣялась, а только смотрѣла и слушала его въ недоумѣніи. И такъ всю роль провелъ онъ безсмысленно, все перевралъ и, конечно, ушелъ со сцены съ шикомъ... Послѣ спектакля я Выходцеву и говорю:

— Вотъ видишь, Выходцевъ, другихъ за такое исполненіе штрафуютъ, а тебѣ за вранье твое неужели ничего не будетъ отъ дирекціи? Тогда, гдѣ же справедливость?... А Дорошенко прибавилъ: „По-моему, тебя бы, Выходцевъ, слѣдовало выдрать!“ Ужъ и донимали же Выходцева актерики, особенно зубоскалы: Дорошенко и Сеня Леоновъ.

Плохъ театръ, ну, а жилище наше еще хуже. Двухэтажный домишка такъ былъ ветхъ, что того и гляди рухнетъ. Наверху помѣщались семейные, а внизу: Монинъ, Сидоровъ, Декельшъ, Лавровъ, Леоновъ, Смирновъ и Монетти. Полъ въ комнатахъ такой, что надо было ходить умѣючи, осторожно. Вмѣсто кроватей устроили нары на обрубкахъ; для сидѣнья сдѣлали изъ досокъ нѣчто въ родѣ скамеекъ; вмѣсто гардероба и комода служила намъ протянутая веревка, на которую и развѣсили свое платье. Такимъ вотъ побытомъ и проживали мы въ Бахмутской ярмаркѣ. А все жилось хорошо, дружно, весело! Послѣ десяти или двѣнадцати спектаклей снова тою же дорогой воротились обратно въ Ростовъ.

Ростовъ на Дону.

(1848 годъ.)

Еще въ концѣ іюня ходили слухи, что по взморью и на Дону стали умирать люди отъ какой-то лихой немощи. Сначала мы не очень довѣряли этимъ росказнямъ, но скоро пришлось убѣдиться. Въ Ростовѣ много умирало народу на пристани. Скоро объяснилось, что это пожаловала ужасная гостья — холера! Отъ простонародья она метнулась и къ городскимъ жителямъ; заглянула и въ нашу труппу. Смятенье и ужасъ обуялъ всѣхъ. Изъ музыкантовъ нашихъ, кромѣ умершихъ, хворало еще двое. Одинъ изъ нихъ, водевильный дирижеръ-пропоица Максимовскій, досталъ у хозяйки льду, и ну его кусочками глотать. Ему ужъ очень нутро жгло. Другой больной товарищъ за это все бранилъ его.

— Что ты дѣлаешь, Максимовскій? Вѣдь застудишься — хуже будетъ.

А тотъ ему отвѣтилъ:

— Не будетъ хуже!... Я и тебѣ совѣтовалъ бы сдѣлать то же.

— Ну, смотри! умрешь!...

— Не бойся — не умру. А ты вотъ скорѣе окочуришься... Ишь босикомъ-то все выходишь на сырость! отвѣтилъ Максимовскій. Утромъ и впрямь: Максимовскій поправился, а тотъ подъ утро Богу душу отдалъ.

По окончаніи ярмарки труппа наша воротилась въ Таганрогъ. Тутъ тоже гостила холера, но не такая сильная, какъ въ Ростовѣ.

Новочеркасскъ.

(1848 годъ.)

Осенью изъ Новочеркасска пріѣхалъ Иконовъ, и именно за мною. Онъ сильно уговаривалъ меня поступить въ ихъ труппу на лучшихъ условіяхъ, чѣмъ здѣсь. Хотя мнѣ самому этого желалось, но я боялся гнѣва Цельнера, и притомъ не хотѣлось огорчить Флуки. Но въ это дѣло вмѣшался Дорошенко. Присовѣтовалъ онъ Иконову хорошенько угостить меня и увезти. Такіе случаи въ провинціи бывали нерѣдко. Иконовъ и употчевалъ меня, да такъ, что я очнулся только въ Ростовѣ. Придя въ себя, тотчасъ же сообразилъ, что дѣло скверное я сотворилъ. Сталъ я упрекать похитителя и высказалъ желаніе воротиться. Но Иконовъ улестилъ и снова подпоилъ такъ, что я опомнился уже въ Новочеркасскѣ.

„Ну, что будетъ, то и будетъ!...“ подумалъ я. „Такъ и быть! Погощу, посмотрю. А тамъ, если что не ладно — уѣду въ Таганрогъ. Силкомъ не станутъ же меня удерживать!“

Утромъ въ театрѣ познакомился я съ актерами и актрисами. Отсюда Ѳедоровъ пригласилъ меня и другихъ къ себѣ на обѣдъ и вечеринку. Въ квартирѣ его жила актриса Громова съ двумя дочерьми, молоденькими и хорошенькими собою. Одна изъ нихъ мнѣ очень понравилась. Вечеромъ составились игры, танцы и пѣніе. При прощаньи Иконовъ намекнулъ мнѣ:

— Ты, другъ, Ванюша, я вижу, дюже льнешь къ старшей дѣвицѣ Громовой... Ну, да и она-то, кажется, къ тебѣ не-

равнодушна... а?... Ужъ не сдѣлаться ли мнѣ вашимъ сватомъ?...

Я ничего ему не отвѣтилъ, а только сильно покраснѣлъ. И такъ-то послѣ этого пошло мнѣ житье самое развеселое! объ Таганрогѣ и позабылъ совсѣмъ. Вскорѣ начали репетировать пьесы съ пѣніемъ, какъ-то: „Анютины глазки", „Кетли" и „Любовное зелье"— и все это шло какъ по маслу. Но вотъ въ одно утро, во время репетиціи, является на сцену таганрогскій режиссеръ Горскій и съ нимъ жандармъ. Я такъ и обомлѣлъ при видѣ ихъ. Горскій подошелъ ко мнѣ съ бумагою въ рукѣ и сказалъ:

— Вотъ предписаніе свѣтлѣйшаго князя Ливена взять васъ Лавровъ и представить въ Таганрогскую дирекцію.

Иконовъ бросился къ атаману войска Донского съ просьбою о защитѣ и покровительствѣ въ этомъ дѣлѣ. Но атаманъ, когда узналъ, что я бѣглецъ, да еще и безъ вида — отказалъ въ своемъ содѣйствіи. Такъ меня, голубчика, раба Божія и забрали. Вся труппа и особенно дѣвица Громова проводили меня съ большимъ сожалѣніемъ.

Привезли меня обратно въ Таганрогъ. По улицѣ ѣду это я въ телѣгѣ, сидя между Горскимъ и жандармами, а знакомые изъ молодежи кланяются, приговаривая:

— Ага!... Бѣглецъ, дезертиръ — здравствуй!

Совѣстно и стыдно мнѣ было,

И задалъ же мнѣ гонку А. А. Цельнеръ. Обидно мнѣ стало его грубое солдатское обращеніе,— я самъ возразилъ ему довольно рѣзко. За такую храбрость меня любезнаго, какъ супротивника власти, князь Ливенъ приказалъ засадить на гауптвахту.

— Хотите со мной итти, или сами явитесь подъ арестъ? — спросилъ меня жандармъ.

— Нѣтъ ужъ, позвольте, я лучше это предписаніе доставлю лично,— печально отвѣтилъ я.

Вся труппа и даже любители театра выразили мнѣ сожалѣніе; товарищи проводили на гауптвахту. Тамъ дежурный офицеръ встрѣтилъ меня довольно сурово. Тутъ же подъ арестомъ находились кавказскіе юнкера и офицеры; всѣ они обошлись со мною дружелюбно и ласково.

Въ первую же ночь мы, вкупѣ, кутнули-таки изрядно, да и день-то проводили въ пропойствѣ и картежной игрѣ.

На другой день наши актрисы прислали мнѣ пироговъ, вина и фруктовъ. Жить стало и тутъ не худо. Офицера-бурбона смѣнилъ баронъ Фитингофъ.

— За что это, Лавровъ, васъ сюда запрятали? спросилъ онъ.

— Ахъ, баронъ!... А. А. Цельнеръ на меня осерчалъ, ну, и засадилъ.

— Экой суровый человѣкъ!... Если хотите, ступайте погуляйте ночку; только, смотрите, утромъ къ сроку явитесь непремѣнно.

— Благодарю васъ, баронъ.

Конечно, я воспользовался позволеніемъ. На третій день, по ходатайству Флуки, меня выпустили изъ подъ ареста. Цельнеръ, чтобы загладить свою суровость, выдалъ мнѣ въ счетъ бенефиса деньги, которыя я прежде просилъ — и все-то отсчиталъ онъ мнѣ золотыми монетами. При этомъ, сдѣлавъ легкій выговоръ, предложилъ сыграть изъ репертуара Дорошенко желаемую мною роль Губкина изъ пьесы „Продолженіе студента-артиста-хориста и аффериста". За все это я отъ души его поблагодарилъ. Роль Губкина я очень скоро приготовилъ и сыгралъ успѣшно. Дорошенко за это на меня сильно обозлился.

Во время этого сезона въ Таганрогъ понаѣхало много актеровъ. Только немногіе изъ нихъ остались въ дирекціи. Приглашенъ былъ Владиміръ Копыловъ на роли молодыхъ людей. За нимъ вслѣдъ прибылъ, наконецъ, ожидаемый мною изъ Тамбова, мой другъ и товарищъ, Дмитрій Пахомычъ Волковъ. Съ нимъ я поставилъ въ свой бенефисъ первое дѣйствіе изъ оперы „Цампа" Герольда*). Актеровъ для пѣнія было такъ мало, что я принужденъ былъ играть двѣ роли: Альфонса и Даніила. Хоръ составленъ былъ изъ пѣвчихъ съ соединеніемъ и своихъ. Пьеса эта, при содѣйствіи Э. О. Флуки, была обставлена хорошо и прошла съ большимъ успѣхомъ. Здѣшней публикѣ всегда нравились пьесы музыкальныя. Отъ этого спектакля я имѣлъ сбора болѣе тысячи руб. асс.

Осенью пріѣхалъ къ намъ изъ Одессы артистъ Импера-

*) Въ „Цампѣ" играли роли: Цампу — Волковъ, Альфонса — Лавровъ, Камилла — Розанова, Ратту — Вильковская, Даніила — Лавровъ, Дандоло — Вильковскій.

торскихъ Московскихъ театровъ Корнелій Николаевичъ Полтавцевъ. При его участіи стали давать большія драмы и трагедіи. Публикѣ и намъ всѣмъ онъ очень понравился. Онъ имѣлъ звучный голосъ, хорошую дикцію и много энергіи. Для К. Н. Полтавцева дирекція принуждена была измѣнить свои правила и согласиться на предложенныя Полтавцевымъ условія. Ему дали 2000 руб. ассигн. и два бенефиса въ годъ. Старые актеры и актрисы за это очень возроптали. Но какъ условія у нихъ были уже подѣланы въ началѣ сезона, то ихъ жалобы и оставили безъ вниманія. И въ жизни, среди товарищей, К. Н. оказался человѣкомъ добрымъ, честнымъ. Одного только Дорошенко онъ не долюбливалъ. Я съ нимъ скоро сошелся, и мы сдѣлались друзьями.

(1849 годъ.)

Передъ масленицей пріѣхалъ Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ, провинціальная знаменитость. Дирекція, конечно, была рада, да и мы съ большимъ любопытствомъ ожидали его дебютовъ. Только Леоновъ да Корнелій Полтавцевъ были недовольны, да оно и не мудрено: Н. Х. былъ имъ опасный соперникъ. И въ самомъ дѣлѣ Рыбаковъ оправдалъ всѣ ожиданія. Превосходное исполненіе ролей — Ляпунова („Скопинъ-Шуйскій“), Гамлета, Жоржа („Жизнь игрока“) и др. — поразило какъ публику, такъ и насъ всѣхъ. Дирекція условилась съ нимъ до поста по 100 руб. ассигн. за спектакль; а послѣ уже пригласила на годъ. Н. Х. Рыбаковъ согласился остаться, но только съ тѣмъ, чтобы и жену его приняли на службу. Дирекція исполнила всѣ его требованія. Хотя А. А. Цельнеръ и скрылъ отъ всѣхъ, за сколько приглашенъ Н. Х., но актерики все-таки узнали. Это сильно возмутило играющихъ первыя роли. Вслѣдствіе такого переворота въ условіяхъ, пошли раздоры и несогласія. Полтавцевъ отказался служить и одинъ, безъ жены, уѣхалъ въ Воронежъ. И дирекція, видя, что такой большой составъ ей держать не подъ силу, разсудила нѣкоторыхъ лицъ уволить. По этому случаю Горскій снялъ театръ въ Бердянскѣ, куда и увезъ съ собою свою жену, Волкова, И. Лебедева, Бушено, Воробьеву и другихъ.

Еще до пріѣзда Н. Х. Рыбакова, знающіе его, актеры говорили, что онъ большой кутила и даже иногда пивалъ за-

поемъ, но съ первыхъ дней его пріѣзда въ Таганрогъ и до послѣдняго спектакля мы этого не замѣчали. Но вотъ, въ прощальный день, по окончаніи послѣдняго представленія, собралось насъ нѣсколько товарищей, чтобы вечеръ провести въ дружеской бесѣдѣ. Н. Х. тоже присоединился къ намъ. Пришли мы въ знакомый погребокъ и спросили: кто чихиря, кто бакшатскаго или сантуринскаго, а кто вечеринскаго (греческія вина). Рыбаковъ сначала все отказывался, а потомъ какъ крикнетъ:

— А ну, чортовы дѣти, соблазнили вы меня!... Ну-ка, дайте-ка сантуринскаго! Давно я его не пивалъ!

И пошелъ, и пошелъ испивать, да такъ накатился, что я принужденъ былъ снести его къ себѣ на ночлегъ. Еще, спасибо, близко жилъ, а то бы этакую махину подальше-то и не дотащилъ. Съ этого вечера и пошелъ нашъ Н. Х. пить да такъ, что и удержу не было! Спасибо, жена его скоро пріѣхала — ну, и уняла.

Вотъ еще разсказывали о немъ: когда-то Н. Х. игралъ въ Тамбовѣ. Исполняя роль Гамлета, онъ, съ почитателями его таланта, къ концу спектакля такъ хлебнулъ, что не раздѣваясь такъ и ушелъ. Вотъ только идетъ онъ обратно съ пирушки къ театру, да какъ-то оступился и упалъ въ канаву. На крикъ его подходитъ будочникъ и спрашиваетъ:

— Кто тутъ буянитъ?

— Дуракъ!... зычнымъ голосомъ отвѣтилъ Рыбаковъ: Развѣ не видишь — принцъ Гамлетъ передъ тобой!...

Спасибо, тутъ случился квартальный, который его узналъ. Ну, конечно, распорядился онъ вытащить принца изъ грязной канавы и доставить въ театръ.

А то еще вотъ что разсказывалъ намъ самъ Н. Х.:

— Служилъ я тогда въ труппѣ Зелинскаго и Млатковскаго. Составъ у нихъ былъ такъ великъ, что постоянно дѣлился на двѣ и на три части, которыя и посылались по разнымъ городамъ и ярмаркамъ. Вотъ, однажды, Млатковскій, отдѣливъ составъ побольше, назначилъ его въ отъѣздъ въ Николаевъ или Одессу, не помню хорошенько. Вотъ хорошо! Ѣдемъ это мы большимъ караваномъ, и коли гдѣ дорогой попадется вольный шинокъ — ну, тутъ и стой! Никакая сила насъ не сдвинетъ съ мѣста. А впереди, сказываютъ, пойдутъ

заставы, и такого приволья, насчетъ горилки, не будетъ; тамъ вишь сторожатъ откупные кордоны, мимо которыхъ уже нельзя провезти съ собой.

— „Врутъ канальи!“ говорю: „Провезу!... Никто Н. Х. Рыбакову супротивничать не смѣетъ!... Меня самъ Государь Николай Павловичъ лично знаетъ!...“

— Гдѣ же это вы съ нимъ познакомились? смиренно, но лукаво вопрошаетъ Дорошенко.

— Дураки!... Гдѣ познакомился?... Да развѣ онъ мало видѣлъ меня на сценѣ?... А потомъ, въ бытность мою въ Севастополѣ, одинъ разъ пошелъ я купаться. Тамъ была особая купальня для высокихъ лицъ. Ну, конечно, какъ меня всѣ знали и любили, то безъ всякаго затрудненія и дозволяли ходить въ эту купальню. Въ это же время въ Севастополѣ изволилъ пребывать Государь Николай Павловичъ. Вотъ хорошо! Купаюсь я себѣ; вдругъ входитъ, какъ мнѣ показалось сначала, генералъ величественнаго вида... Я было изъ вѣжливости хотѣлъ выйти изъ воды, какъ слышу:

— „А!... Николай Хрисанфычъ!... Здорово, братецъ!... какъ поживаешь?“

Какъ глянулъ я, такъ и вздрогнулъ, — это былъ самъ Государь! — „Извините“ говорю, „ваше величество... не зналъ, что вы изволите пожаловать сюда...“

— „Ничего, братецъ, ничего! Не пужайся!“ отвѣтилъ Государь. — Ну, тутъ мы съ нимъ кое-что о политикѣ потолковали. Такъ вотъ какъ я съ нимъ познакомился.

При этомъ разсказѣ Дорошенко такую состроилъ рожу, что мы всѣ такъ и разразились смѣхомъ.

— Ну, вотъ, черти! дурачье! Вы думаете — я вру?

— Нѣтъ, нѣтъ, Николай Хрисанфовичъ, мы вѣримъ! Это такъ разсмѣялись надъ дурачествомъ Вячеслава... Пожалуйста, продолжайте!

— Да на чемъ я остановился передъ этимъ?... не помню.

— А какъ вы въ шинокъ-то зашли, когда ѣхали съ труппой Млатковскаго.

— Ну, да, да — такъ!... Зашли въ шинокъ, выпили знатной горилки и захватили съ собою малую толику. Только ѣду, это, я впереди всѣхъ, смотрю — застава, возлѣ которой стоитъ хохолъ у опущеннаго шлагбаума. Я кричу ему: „Хохолъ, подвысь!“

— „Ни! Не можно!“ отвѣтилъ онъ. „Кажите видъ, щобъ можно робіть — кто ѣде?“

— „А!... Тебѣ видъ? Хорошо!... Поди получай и смиряйся!“ При этомъ вынимаю афишу „Скопина-Шуйскаго“ и отдаю ему. Долго хохолъ разбиралъ и все глаза таращилъ. Вдругъ онъ съ испугомъ снялъ шапку, торопливо выпустилъ цѣнь и, кланяясь униженно, проговорилъ:

— „Проізжайте, ваше сіятельство, будьте ласковы, ізжайте собі съ Богомъ“.

— „А!... то-то, хохолъ!... Видишь, какіе мы ѣдемъ! Вотъ тебѣ на горилку!...“ Дуракъ! Онъ думалъ, что ѣдутъ князья да бояре, что значились въ афишѣ.

Вообще Н. Х. при розсказняхъ своихъ имѣлъ привычку прикрасить ихъ небылицами. Бывало Дорошенко, при такихъ бесѣдахъ, тотчасъ же побѣжитъ за кулисы и начнетъ звонить въ колоколъ. Это ужъ и всѣ знали, что Н. Х. сильно завирается. Чудакъ, право! а добрякъ человѣкъ, хорошій товарищъ, — бѣднымъ актерамъ при нуждѣ не отказывалъ въ помощи. Кромѣ игранныхъ имъ превосходно драматическихъ ролей, онъ очень оригинально и хорошо исполнялъ и комическія роли, какъ напримѣръ: Яичницу („Женитьба“) и Землянику („Ревизоръ“). Артистъ съ огромнымъ талантомъ!

Еще прибылъ въ Таганрогъ, тоже извѣстный въ провинціи, драматическій актеръ Димитрій Андреевичъ Горевъ. Дебюты его не состоялись потому, что его вскорѣ по пріѣздѣ, ночью, схватила полиція и упрятала въ холодную кутузку, гдѣ безъ пищи и питья продержали его двое сутокъ. Бѣднягу, по ошибкѣ сыщиковъ, приняли за какого-то заговорщика-француза или поляка. Съ большимъ трудомъ и сомнѣніемъ отпустили его, да и то болѣе потому, что онъ сильно заболѣлъ, да и труппа вся засвидѣтельствовала лично, что это не кто иной, какъ актеръ Горевъ. Изъ кутузки отвезли его прямо въ больницу, гдѣ онъ едва не умеръ отъ горячки. По выздоровленіи, дирекція однакожъ его не приняла для дебютовъ, какъ человѣка заподозрѣннаго. Сдѣлали мы складчину и отправили Горева въ Керчъ съ знакомымъ шкиперомъ. А жаль! Говорили, что онъ актеръ умный и съ большимъ дарованіемъ, но только пропойца большой и всегда вездѣ проживаетъ безъ паспорта.

1850 годъ.

Въ февралѣ этого года женился я на младшей Розановой, Елизаветѣ Фирсовнѣ. Къ несчастью, дирекція внезапно, не предувѣдомивъ насъ, рѣшила прекратить свое существованіе и распустить всю труппу. Такая неожиданная бѣда пала на насъ, какъ снѣгъ на голову. Поползли всѣ мы изъ Таганрога, какъ раки, въ разныя стороны. А. Ѳ. Розанова и Иванъ Васильевъ съ женою по приглашенію поѣхали въ Воронежъ. Пустился за ними и я съ молодой женой. Денегъ у меня было мало, едва хватало на дорогу, а я еще не зналъ, какая участь ждетъ меня въ Воронежѣ. Впрочемъ, тамъ Полтавцевъ; авось, по дружбѣ, поддержитъ и выручитъ.

Воронежъ.

К. Н. Полтавцевъ принялъ меня съ женою ласково, сердечно, съ согласія своей жены помѣстилъ насъ въ своей квартирѣ. Труппа здѣсь составилась настолько большая, что насъ, пріѣзжихъ, нѣсколько человѣкъ остались за штатомъ. Театру здѣшнему покровительствовалъ губернаторъ Ланге, директоромъ состоялъ полицеймейстеръ Ѳедоръ Леонтьевичъ Колиньи. На всѣ ходатайства и просьбы Полтавцева обо мнѣ, Колиньи отвѣтилъ отказомъ, на томъ основаніи, что труппа черезчуръ переполнена, но обѣщалъ впослѣдствіи, послѣ Острогожской ярмарки, помѣстить меня. Но до этого что дѣлать и чѣмъ проживаться? Нѣтъ, надо куда-нибудь ѣхать! Заложивъ, что можно, и призанявъ у сестры, отправился я въ Харьковъ. Это было въ началѣ мая. Погода стояла хорошая. Ѣхавши на перекладныхъ, дорогой я все утѣшалъ себя надеждою, что вотъ буду тамъ играть, сдѣлаю успѣхъ и возьму хорошее жалованье да, пожалуй, два бенефиса.

Харьковъ.

Увы! надежды мои разбились въ прахъ. Пріѣхавши въ Харьковъ и остановясь въ гостиницѣ, я прочелъ афишу: „По окончаніи спектаклей италіанской оперы начнутся драматическія представленія съ участіемъ Василія Васильевича и Надежды Васильевны Самойловыхъ“.

— Вотъ-те и разъ!... съ присвистомъ сказалъ я. Куда ужъ мнѣ соваться съ своими дебютами! Въ этотъ же день свидѣлся я съ актеромъ Барсовымъ, къ которому я имѣлъ письмо отъ Полтавцева. У него я встрѣтилъ Н. Х. Рыбакова и здѣшняго знаменитаго комика Соленика. Соленикъ былъ и прежде мнѣ извѣстенъ, какъ первоклассный актеръ на комическія и особенно малороссійскія роли. Оба они объяснили мнѣ, что до отъѣзда Самойловыхъ изъ Харькова директоръ Піотровскій (инженеръ) всѣмъ новичкамъ и пріѣзжимъ отказалъ въ дебютахъ. Ужъ если такой актеръ, какъ Рыбаковъ, принужденъ ждать, такъ мнѣ и думать нечего! Тутъ же сговорились мы съ Н. Х. поѣхать въ Полтаву на нѣсколько спектаклей. Тамъ былъ хотя не надежный на расплату антрепренеръ Ив. Ив. Пилони, но все-таки, если удадутся сборы, можно что-нибудь заработать.

Полтава.

Пріѣхавъ въ Полтаву, мы и тутъ встрѣтили такую же помѣху. На дверяхъ театра афиша гласила: „Проѣздомъ въ Одессу, артисты Императорскихъ Московскихъ театровъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ и Василій Игнатьевичъ Живокини будутъ играть нѣсколько спектаклей“.

— Тьфу! Чортъ васъ побери!... загремѣлъ Рыбаковъ. Куда ни сунься, вездѣ наткнешься на эту столичную саранчу!... Экое, братъ Иванъ, какое намъ съ тобою каторжное счастье!...

— Что жъ дѣлать, Н. Х.! надо вооружиться терпѣніемъ,— печально отвѣтилъ я.

А между тѣмъ, несмотря на такую неудачу, я въ душѣ былъ очень доволенъ тѣмъ, что увижу такихъ знаменитыхъ артистовъ. И вправду, я ими былъ утѣшенъ, восхищенъ! По исполненію ими ролей: М. С. Щепкинымъ — городничаго въ „Ревизорѣ“ и Кочкарева въ „Женитьбѣ“, потомъ — В. И. Живокини въ пьесахъ: „Левъ Гурычъ Синичкинъ“ и „Стряпчій подъ столомъ“, я могъ убѣдиться и оцѣнить всю силу ихъ несравненныхъ талантовъ. Игра ихъ вознаградила меня за всѣ перенесенныя мною невзгоды. Н. Х. Рыбаковъ меня имъ представилъ, но они едва ли обратили хоть какое-нибудь вниманіе на малоизвѣстнаго провинціала.

Послѣ отъѣзда московскихъ гостей, Пилони пригласилъ

насъ на три спектакля, съ платою: Рыбакову 50 руб., а мнѣ 20 руб. асс. за спектакль. Театръ самаго непригляднаго вида и устройства находился въ городскомъ саду. Декораціи, костюмы и вся вообще обстановка успѣшно могли бы поспорить съ Астраханскимъ театромъ. Къ этому удовольствію еще и братія-актерики были сильно порваны и обезсапожены. Только Зубовичъ да Дрейсихъ были люди денежные. Насчетъ жалованья — такъ нѣкоторые и позабыли какъ его получаютъ. Даже теперь, послѣ отъѣзда московскихъ гостей, отъ порядочныхъ сборовъ, и то они едва могли вымолить у Пилони по нѣскольку рублей. „Это скверно!“ подумалъ я, идучи съ первой своей репетиціи. И что за народъ чудно́й въ труппѣ! все больше малороссы, такъ и жарятъ своимъ говоромъ. Особенно смѣшно ихъ было слышать въ переводныхъ французскихъ пьесахъ, какъ напр. „Записки демона“. Вмѣсто словъ: „Ага! вотъ какъ!...“ они выговариваютъ: „Эге!... ось какъ!...“ И это такъ объясняется какой-нибудь баронъ или маркизъ. Потѣшили они насъ съ Николаемъ Хрисанфовичемъ. Послѣ трехъ спектаклей, Пилони объявилъ, что онъ съ своей труппой скоро отправится въ Кременчугъ; приглашалъ и насъ туда же, но мы отказались. Рыбакову, кстати, пришло письмо съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ Самойловыхъ изъ Харькова, и требовали поскорѣе ѣхать туда. Онъ тотчасъ же, сыскавъ попутчика, уѣхалъ. Послѣ него я съ большимъ трудомъ и непріятностями могъ получить съ Пилони вмѣсто трехъ только за два спектакля. Да и Рыбаковъ за это же разбранился съ кулакомъ - антрепренеромъ. Вскорѣ съ труппой уѣхалъ изъ Полтавы и Пилони, остался лишь я одинъ, какъ сирота. Что дѣлать? какъ теперь быть? куда пуститься? вотъ вопросы, которые я задавалъ себѣ. Тутъ вспомнилъ я, что, по пріѣздѣ въ Полтаву, на всякій случай, послалъ письмо въ Кіевъ къ Рыкановскому съ предложеніемъ своихъ услугъ. Денька черезъ два или три, послѣ отъѣзда труппы, я получилъ изъ Кіева отвѣтъ. Антрепренеръ Рыкановскій писалъ, чтобы я на свой счетъ пріѣзжалъ къ нему, а потомъ, послѣ дебютовъ, онъ условится и уплатитъ за проѣздъ. Экой старый полякъ! Да знаетъ ли онъ, что здѣшніе извозчики, пожалуй, безъ вида да безъ денегъ не повезутъ. Нѣтъ, ужъ лучше поѣду въ Харьковъ. Но, видно, судьба рѣшила гнать и мучить меня нещадно!

Въ Харьковѣ.

По пріѣздѣ въ Харьковъ, я у Барсова получилъ письмо изъ Воронежа отъ Елизаветы Павловны Полтавцевой. Она увѣдомляла, что жена моя очень больна, и совѣтовала мнѣ пріѣхать къ нимъ поскорѣе. Нечего дѣлать! Приходилось отправляться обратно въ Воронежъ.

Барсовъ разсказалъ мнѣ про Самойловыхъ. Пріемъ и проводы имъ сдѣланы были блестящіе. Надежда Васильевна въ свой бенефисъ, играя „Дочь полка", имѣла сбору до 5000 руб. асс., кромѣ того ее забросали цвѣтами и поднесли золотой браслетъ довольно цѣнный.

— Да! прибавилъ онъ: пожираютъ наши труды эти хищныя птицы! Они, вотъ, разгуливаютъ вездѣ по городамъ, собирая лавры и цѣлковые, а мы тутъ сиди безъ дѣла или работай за гроши!

— Что дѣлать, братъ! Большимъ кораблямъ большое и плаванье. Они великіе артисты, да еще и столичные! Тутъ ничего не подѣлаешь!

Воронежъ.

Возвратясь въ Воронежъ, я труппы не засталъ. Всѣхъ отправили въ Острогожскъ на ярмарку. Жена моя оправилась отъ болѣзни, чѣмъ много успокоила меня. Сестра ея, А. Ѳ. Розанова, вслѣдствіе интригъ Ленскихъ и Швана, должна была оставить службу въ воронежской дирекціи и уѣхать въ Тамбовъ къ Аносову. Спустя недѣлю или двѣ, за ней отъ вновь устроенной дирекціи въ Таганрогѣ былъ присланъ режиссеръ Вильковскій, Ѳедоръ Кузьмичъ. Убѣдилъ онъ меня поѣхать съ нимъ въ Тамбовъ. Какъ человѣкъ свободный, я согласился.

Тамбовъ.

Въ Тамбовѣ, однако, А. Ѳ. мы уже не застали. Она здѣсь сыграла нѣсколько спектаклей и, по приглашенію, уѣхала на почтовыхъ въ Тулу. И уѣхала-то она передъ нами всего часа за три или четыре. Взвылъ тутъ мой бѣдный Вильковскій, не зналъ, что̀ ему и подѣлать. Ѣхалъ, ѣхалъ и все попустому.

Да, спасибо, подвернулся мнѣ знакомый ямщикъ: онъ за двойные прогоны взялся догнать ее. Немедля пустились мы въ погоню за бѣглянкой; насилу могли настигнуть близъ Козлова. Смотрителя и ямщики думали, что мы гонимся за убѣжавшей барышней. Послѣ короткихъ объясненій, она съ Вильковскимъ поѣхала прямо въ Таганрогъ, а я, по приглашенію Аносова, сыгралъ въ Тамбовѣ два спектакля и этимъ немного поправилъ свои финансы. Возвратившись въ Воронежъ, я былъ озадаченъ извѣстіемъ, что Колиньи сильно разгнѣвался на меня за самовольную отлучку. Дѣйствительно, на другой день является ко мнѣ квартальный съ приказомъ тотчасъ же вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ г. полицеймейстеру. Колиньи, при встрѣчѣ со мною, осыпалъ меня бранью и угрозами точно арестанта какого.

— Да за что же, Ѳедоръ Леонтьичъ? Вѣдь я еще не служу у васъ, какое же право...

— Молчать!... Все равно!... ревѣлъ полицейскій начальникъ. Я сказалъ тогда, что ты, можетъ быть, понадобишься; такъ тутъ нечего разсуждать!... Подъ арестъ не угодно ли!... Эй! крикнулъ онъ квартальному: взять его подъ арестъ!

— Вотъ такъ оказія!... разсуждалъ я, идучи за блюстителемъ порядка и благочинія.

Но мнѣ не долго пришлось сидѣть въ заключеніи: по приказанію губернатора я былъ освобожденъ.

Послѣ этого случая, хотя мнѣ и предлагаля дебюты, но я, оскорбленный грубымъ поступкомъ директора, отказался. Надумалъ я—лучше отправиться въ Тулу, тамъ, сказали, устроилась дирекція подъ вѣдѣніемъ г. Мясникова.

Тула.

Въ Тулѣ, послѣ дебютовъ, я былъ приглашенъ на службу по 25 руб. сер. въ мѣсяцъ и одинъ бенефисъ до поста. Теперь я надѣялся здѣсь устроиться по хозяйственному и выписать жену свою и съ новорожденной дочкой Варенькой.

Театромъ управлялъ на правахъ антрепренера актеръ Смирновъ, а ему оказывалъ покровительство и пособіе предсѣдатель губернскаго правленія Мясниковъ. Бѣднота однакожъ въ труппѣ была не малая.

До Смирнова театръ содержали чиновники Екатерининскихъ временъ—Турчаниновъ и Азбукинъ. Послѣдній сдѣлался антре-

пренеромъ потому, что дочь его восчувствовала призваніе быть актрисой. Денежки, нажитыя имъ на службѣ далеко были не достаточны, чтобы вести театральное дѣло. Стало-быть и велъ его неумѣло, неряшливо и грязно. Конечно и труппа подобралась аховая!... Мнѣ разсказали, какой случай былъ въ то время съ двумя лицами, служившими у Азбукина. Одинъ изъ нихъ—дирижеръ Рѣпинъ, а другой—комикъ Налетовъ. Жили они вмѣстѣ, и дружбу ихъ скрѣпляло зелено вино, крѣпка водочка. Часто съ квартиръ ихъ сгоняли за непотребную жизнь, а больше за неплатежъ денегъ. Вотъ, однажды, выгнанные съ послѣдней квартиры, они, забравъ свое имущество, т.-е. ноты, роли и скрипку, пошли искать пріюта. Хотѣли было помѣститься въ театрѣ, но имъ не дозволили. Съ горя, взявъ въ буфетѣ водки, хлѣба и огурцовъ, пошли куда глаза глядятъ. Разсуждая и браня людей, вышли они за заставу, тамъ, завидя кладбище, рѣшили на немъ выпить и побесѣдовать, а то такъ и заночевать.

— „Здѣсь, Рѣпушка“, сказалъ Налетовъ, „и платить не надо, да и спокойно! Вотъ тутъ у канавы, на окраинѣ-то получше будетъ! Садись-ка, другъ, Рѣпушка“, добавилъ онъ, показывая на камень провалившейся могилы.

Занявшись полуштофчикомъ, вздумали они также заняться дѣлами: пройти нѣкоторые куплеты для будущаго представленія, а какъ наступилъ ужъ вечеръ — зажгли сальный огарокъ, захваченный въ театрѣ, и репетиція началась. Въ это время кладбищенскій сторожъ, поколотивъ въ доску, пошелъ обойти кладбище,—вдругъ слышитъ: отъ канавы раздаются какіе-то неясные звуки, то какъ будто завоетъ кто-то, а то заслышиться плачъ ребенка... Глядитъ — и свѣтъ исходитъ изъ могилы... А вой и стонъ еще сильнѣе раздавались оттуда. Дрожь пробрала сторожа... Съ великимъ страхомъ, спотыкаясь, пустился онъ безъ оглядки къ строеніямъ у заставы, гдѣ стоялъ будочникъ. Добѣжавъ туда, онъ едва могъ проговорить будочнику:

— „Доложь начальству... у насъ на кладбищѣ не ладно!... Должно колдунъ, альбо *самъ* разыгрался... По могиламъ ходитъ да воетъ такъ страшно!... И свѣтъ отъ него идетъ...“

— „Съ нами крестная сила!“ крестясь пробормоталъ будочникъ. „Ты постой пока тутъ, а я пойду къ его благородію!“

Озираясь по сторонамъ, торопливо пошелъ онъ по улицѣ.

— „Что такое? Что случилось?“ спросилъ будочника квартальный, зѣвая и потягиваясь.

— „Ваше благородіе, имѣю честь лепортовать: на кладбищѣ не ладно!... Сторожъ прибылъ ко мнѣ и доноситъ, что по могиламъ ходитъ мертвецъ съ фонаремъ и все-то воетъ да плачетъ...“

— „Дуракъ!... Чай сторожъ-то пьянъ?“

— „Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!... Въ своемъ видѣ, т.-е. ни въ одномъ глазѣ“.

Выслушавъ подробно разсказъ, квартальный, хотя и поусомнился, однакоже одинъ съ будочникомъ пойти освидѣтельствовать не рѣшался.

„Чортъ его знаетъ!...“ подумалъ онъ. „Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ колдунъ какой похороненъ... Слыхалъ я про это...“

— „Ступай, вели снарядить еще трехъ-четырехъ человѣкъ, да скажи, чтобы ружья были заряжены!“ приказалъ квартальный. „А можетъ это и мошенники, бродяги какіе...“ разсуждалъ онъ, одѣваясь.

Съ немалымъ страхомъ полицейскій отрядъ подходилъ къ тому мѣсту, гдѣ раздавались звуки. Поднявшійся вѣтеръ то приближалъ, то удалялъ ихъ. Вотъ показался и свѣтъ... Вой и плачъ еще сильнѣе, еще сильнѣе... Всѣ въ отрядѣ перекрестились и отъ испуга стали, какъ вкопанные. Квартальный тоже смутился. Забившись въ середину солдатъ, онъ нерѣшительно скомандовалъ: „Ружья на руку... готовься на прицѣлъ!... впередъ!...“ Съ отчаянной рѣшимостью всѣ бросились къ свѣту. Тутъ, при свѣтѣ догоравшаго огарка, увидѣли сидящихъ на камнѣ Налетова и Рѣпина. Первый по тетрадкѣ пѣлъ куплеты, а другой игралъ по нотамъ на скрипкѣ голосовую партію. На камнѣ, передъ ними, стоялъ опорожненный полуштофъ и валялись объѣдки огурцовъ. Квартальный, нерѣдко бывая въ театрѣ, призналъ ихъ и, плюнувъ, крикнулъ:

— „Тьфу! Черти проклятые! Только напугали!... За коимъ дьяволомъ васъ занесло сюда?“

— „А!... Пріятель дорогой!...“ отвѣтилъ Налетовъ: „милости просимъ къ намъ на новоселье!...“

— „Зачѣмъ и какъ вы тутъ очутились?“ спрашивалъ квартальный.

— „А что же намъ дѣлать, если никуда насъ не пускаютъ жить?“ пояснилъ Налетовъ. „Всѣ эти живые люди — подлецы! мерзавцы! истинныхъ талантовъ не понимаютъ... А здѣсь, вотъ, лежитъ все народъ добрый... Не гонятъ... молчатъ!... А вѣдь молчаніе есть знакъ согласія. Ну, мы и помѣстились“.

— „Ну, довольно разсуждать! Вставайте... Идите со мною въ частный домъ“.

— „А!... Рѣпушка, каково?... И среди мертвыхъ намъ не даютъ покоя!“ предекламировалъ Налетовъ.

Полицеймейстеръ Добровольскій, выслушавъ донесеніе квартальнаго, много посмѣялся такой продѣлкѣ актеровъ и для временного прожитія велѣлъ дать имъ помѣщеніе въ частномъ домѣ.

Въ Тулѣ мнѣ не пришлось долго служить. Здѣсь находился актеръ Артуръ, очень талантливый и ловкій исполнитель ролей молодыхъ повѣсъ и вообще молодыхъ людей въ комедіяхъ и водевиляхъ. Къ несчастію, онъ былъ пьяница непробудный да еще и скандалистъ и интриганъ. Не было ни одного спектакля, чтобы онъ игралъ трезвый. Вотъ съ этимъ-то Артуромъ я и не поладилъ. Много непріятностей наносилъ онъ мнѣ и Павлу Васильеву, бывшему воспитаннику Московской театральной школы. Павелъ Васильевъ имѣлъ много хорошихъ задатковъ для сцены, и его успѣхи, а также и мои, сильно обозлили Артура. Вмѣстѣ съ Пашей рѣшили мы или уѣхать изъ Тулы, или сжить нашего недруга. Какъ-то назначена была пьеса, оперетка-водевиль: „Дочь второго полка“, въ которой мнѣ назначили играть роль Антуана. Артуръ, по зависти ко мнѣ, объявилъ Смирнову и Мясникову, что онъ желаетъ играть Антуана, и если ему не передадутъ роль, то онъ отказывается отъ службы. Не желая заводить раздоръ, Смирновъ и я рѣшили отдать ему роль. Кромѣ того, какъ онъ былъ любимцемъ публики и въ особенности Мясникова, то и это было причиною нашей рѣшимости. И что же изъ этого вышло? Во время спектакля Артуръ такъ нахлестался, что во второмъ дѣйствіи упалъ на сценѣ. Занавѣсъ по этому случаю тотчасъ же закрыли. А я, обиженный, отказался служить и уѣхалъ въ Калугу съ актеромъ Катковскимъ. Это было осенью 1850 года.

Калуга.

Театръ въ Калугѣ содержалъ Николай Карловичъ Милославскій. Въ его труппѣ составъ былъ и оперный и драматическій: Шмитгофъ 1-й, Шмитгофъ 2-й Максъ, Лиханскій, Леоновъ, Эвелина Шмитгофъ, ея сестра Лючія, двѣ сестры Стрѣлковы, Стрѣлковъ, Илья Васильевичъ Орловъ, Стадковскій, Николаевъ и друг., вообще составъ не малый. Какъ пѣвуну, мнѣ была на руку оперная труппа. Конечно, Милославскій первенствовалъ надъ всѣми. Меня онъ принялъ радушно. Въ это время у нихъ ставился третій актъ „Аскольдовой", и у Леонова съ Лиханскимъ шло препирательство изъ-за роли Торопки. Какъ только я изъявилъ желаніе дебютировать въ этой роли, Милославскій былъ радъ этому случаю, которымъ прекращалась распря между Леоновымъ и Лиханскимъ. И здѣсь въ „Аскольдовой" я имѣлъ хорошій успѣхъ. Послѣ перваго же дебюта Н. К. оставилъ меня на условіи: 40 руб. сер. въ мѣсяцъ и одинъ бенефисъ до поста.

1851 годъ.

Дѣла по театру шли хорошо, но Милославскій любилъ жить широко, по-барски, поэтому сборы большею частію шли на его потребности. Спасибо, еще губернаторъ Николай Михайловичъ Смирновъ благоволилъ къ нему, такъ и поддерживалъ, — онъ собралъ ему абонементъ. Подъ Новый годъ губернаторомъ и дворянствомъ данъ былъ балъ-маскарадъ, въ которомъ участвовала и наша труппа. Я фигурировалъ въ кадрили, составленной Милославскимъ, въ видѣ Весны, Лѣта, Осени и Зимы. Послѣ кадрили, Лючію Шмитгофъ, изображавшую Новый Годъ, сонмъ разныхъ народовъ Россіи пронесъ по всей залѣ. За это губернаторъ и все общество изъявили намъ благодарность и щедро насъ угостили.

Но всѣ эти радости-веселости рухнули разомъ!... Наканунѣ Крещенья, вечеромъ, была назначена репетиція пьесы „Серафима Лафайль". Милославскій прислалъ сказать, чтобы его не ждали, а прошли лишь свои сцены. Леоновъ долженъ былъ играть Марсіала. Ждать-пождать — нѣтъ Леонова! Хотѣли ужъ расходиться, какъ вдругъ ведутъ его совершенно пьянаго Николаевъ и Стрѣлковъ. Ну, какая тутъ

репетиція!... Незадолго передъ этимъ мы жили на хлѣбахъ и въ квартирѣ Милославскаго, но на дняхъ онъ переѣхалъ на другую квартиру, а насъ къ себѣ не помѣстилъ. До пріисканія себѣ жилья, мы еще тутъ проживали. Хозяинъ дома нарочно комнату нашу не топилъ, чтобы насъ сжить поскорѣе. Въ этотъ несчастный день Леоновъ еще съ утра ушелъ посмотрѣть рекомендованную ему квартиру. И вотъ теперь какимъ явился!... Что съ нимъ дѣлать? куда дѣвать?... Тащить его по городу — не хорошо! Общимъ совѣтомъ рѣшили оставить въ театрѣ. Уложивъ его въ дамскомъ фойе, и наказавъ сторожу присматривать за нимъ, мы всѣ: Стадковскій, Катковскій, Боборыкинъ, Шмитгофъ Максъ, Николаевъ, Стрѣлковъ и я — отправились побесѣдовать за чайкомъ въ общественный трактиръ. Бесѣда наша на этотъ разъ какъ-то не клеилась, — такая всѣхъ обуяла тоска и скука... Посидѣвъ мало, мы разошлись по домамъ. Я, Максъ и Боборыкинъ поплелись въ свою холодную конуру.

— А жаль, братцы, — дорогою проговорилъ Максъ, — у меня въ театрѣ не готова комната. Она хотя глухая, безъ оконъ, но все же въ ней намъ было бы уютно и тепло. Завтра, впрочемъ, отецъ обѣщалъ мнѣ дать кой-какую мебель. Какъ получу, все обставлю хорошенько, ну, тогда милости просимъ ко мнѣ на житье.

— Ахъ, Максъ, хорошо! отвѣтили мы. Устраивай поскорѣе!

Придя въ свою квартиру, мы отъ холода не могли уснуть, только къ утру стали забываться.

Вдругъ будитъ насъ стукъ и крикъ дворника:

— Эй! господа ахтеры! Чего вы спите? вашъ театръ горитъ!

Вмигъ повскакали мы и какъ угорѣлые заметались въ темнотѣ. Насилу могли отыскать обувь и платье. Дрожа, какъ въ лихоманкѣ, что есть духу летимъ прямо на зарево. Прибѣжавъ къ театру, видимъ — ужъ онъ весь въ огнѣ. Стоимъ тутъ, а объ Леоновѣ и позабыли. Слышимъ кто-то благимъ матомъ вопитъ:

— Господа! господа! Леоновъ-то вѣдь тамъ!... Бросились мы къ окнамъ фойе, находящемуся во второмъ этажѣ. Но какъ туда влѣзть? Ни лѣстницъ, ни пожарной команды нѣту. Что

дѣлать? Давай другъ другу подставлять спины. Верхній, доставъ окно, сталъ бить стекла и звать Леонова... Но воздухомъ, вѣроятно, потянуло въ окно, потому что, вслѣдъ за густымъ дымомъ, большимъ потокомъ хлынулъ огонь. Отъ сильной жары мы должны были поскорѣй убраться подальше. Начальство и пожарные только теперь пожаловали и, конечно, сдѣлать ничего не могли. Милославскій сильно смутился, когда ему сказали, что Леоновъ остался въ театрѣ и тамъ сгорѣлъ.

Многіе изъ труппы, особенно Илья Васильевичъ Орловъ, громко обвиняли Милославскаго въ поджогѣ, да и городскіе жители думали такъ же. Предлогомъ такому обвиненію служило то, что онъ, за нѣсколько дней до пожара, вывезъ изъ театра свою мебель и костюмы. Когда было назначено слѣдствіе и когда всѣхъ насъ допрашивали, то почти всѣ единогласно отказались отъ обвиненія Милославскаго. На допросахъ сказывали, что въ часъ ночи кто-то подъѣзжалъ къ театру и даже входилъ въ него, но по разъясненіи оказалось, что это былъ буфетчикъ, который для спектакля и маскарада привозилъ вино, посуду и провизію. Конечно, въ пользу обличенія имѣлись обстоятельства, именно: Милославскій давно забралъ и растратилъ абонементныя деньги, сборы недостаточно велики, чтобы удовлетворять труппу и покрывать текущіе расходы. Но я, въ числѣ немногихъ, по совѣсти, не могу имѣть подозрѣнія на Милославскаго: онъ достаточно уменъ, чтобы пускаться на такое грубое и рискованное дѣло. Нѣтъ! я съ своей стороны увѣренъ, что это несчастіе случилось отъ отдушника, находившагося въ реквизиторской и костюмерной комнатѣ; вѣроятно, затопивъ печки, сторожъ забылъ его закрыть. Я помню, однажды, во время репетиціи, изъ этого отдушника во время топки сыпались искры, и, можетъ быть, бѣда бы случилась и тогда, если бы не было тутъ людей. Да и сторожъ съ актеромъ Пуговкинымъ, ночевавшимъ въ эту ночь въ сторожкѣ, оба дали показаніе, что пожаръ начался именно съ той стороны. Но какъ бы тамъ ни было, а бѣда надъ нами стряслась не малая! Всѣ мы сильно призадумались о своей судьбѣ. Милославскій объявилъ всей труппѣ, что онъ никакой уплаты произвести теперь не можетъ и чтобы мы уѣзжали — куда знаемъ.

Однакоже съ этимъ рѣшеніемъ его мы не могли согласиться. Стали требовать настойчиво, чтобы онъ что-нибудь для насъ сдѣлалъ: чѣмъ же жить и на что уѣхать? Губернаторъ, узнавъ о нашемъ бѣдственномъ положеніи, приказалъ всѣмъ выдать на руки деньги для дороги, кто куда желаетъ. Я съ Катковскимъ изъявили желаніе ѣхать въ Тулу. Мы получили 20 руб. сер. Поплелся изъ Калуги театральный людъ въ разныя стороны. Остались схороненные въ могилахъ кости Леонова и умершаго отъ чахотки пѣвца Лиханскаго.

Тула.

Вскорѣ, по прибытіи нашемъ въ Тулу, пріѣхалъ туда и Милославскій, а за нимъ и нѣкоторые изъ калужскихъ актеровъ. Театромъ завѣдывалъ тотъ же Смирновъ. Труппа у него была плохая. Съ появленіемъ Милославскаго скоро все измѣнилось; онъ сумѣлъ пріобрѣсти расположеніе губернатора Дарагана и найти директора въ лицѣ помѣщика Волховскаго. Съ учрежденіемъ новой дирекціи, театръ, какъ снаружи, такъ и внутри, обновился. Вообще, если были средства, то Милославскій умѣлъ показать товаръ лицомъ. На сценѣ появились блестящіе костюмы, декораціи и дорогая, изящная мебель, зеркала, ковры, цвѣты... Однимъ словомъ — одной обстановкой публика была озадачена. Къ тому же Волховской пригласилъ хорошую актрису, свою любимицу Марью Андреевну Микульскую. Репертуаръ преимущественно состоялъ изъ французскихъ драмъ, мелодрамъ, комедій и водевилей Д. Т. Ленскаго. Съ особеннымъ успѣхомъ шли: „Клара Д'Обервиль", „Записки демона", „Полковникъ старыхъ временъ", „Сиротка Сусанна", и друг. Изъ сборовъ, по обыкновенію, Н. К. бралъ себѣ львиную долю. Послѣ зимняго сезона онъ ухитрился насъ такъ запутать, что мы должны были остаться у него на половинномъ жалованьи. Этой же зимой жена моя съ новорожденной дочерью Варей пріѣзжала изъ Воронежа ко мнѣ въ Тулу.

Въ числѣ любителей, занимавшихъ безъ жалованья малыя роли, находился Александръ Николаевичъ Александровскій (Усовъ). Милославскому онъ такъ понравился, что тотъ назначилъ ему жалованье 10 или 15 руб. въ мѣсяцъ. Надобно было

видѣть, какъ радъ былъ Александровскій, сдѣвавшись настоящимъ актеромъ!

Послѣ перваго же полученнаго имъ жалованья, мы понудили его принять отъ насъ посвященіе въ столь важный санъ... Посвященіе это состояло въ томъ, что мы, раздѣвъ его до нага, облили виномъ и водкой, и прочли надъ нимъ тирады изъ драмъ и куплеты изъ водевилей.

Въ августѣ этого года явился въ Тулу Гумилевскій. Онъ просилъ себѣ дебюта, дирекція изъявила согласіе, но у Гумилевскаго „умыселъ другой тутъ былъ“: нѣкоторыхъ изъ насъ тайкомъ зазвалъ онъ къ себѣ и объяснилъ, что онъ — антрепренеръ Рязанскаго театра. Приглашеніе его приняли: я, Егоръ Браво, Александровскій и Павловъ-Веревкинъ. Я заключилъ условіе, съ женой, на годъ, по 75 руб. сер. въ мѣсяцъ и три бенефиса до поста. Съ большимъ затрудненіемъ могъ я высвободиться изъ лапъ Милославскаго. Самъ онъ, лично, со мною подѣлать ничего не могъ, но нажаловался губернатору, который, за наше желаніе выбыть изъ труппы, былъ очень разгнѣванъ. Едва, едва могъ вымолить дозволеніе о выѣздѣ изъ города.

1852.

Рязань.

Въ Рязани театръ находился на перекресткѣ Соборной улицы, близъ семинаріи. Какъ снаружи, такъ и внутри, онъ не отличался отъ другихъ театровъ. У Гумилевскаго не оказалось ни хорошихъ декорацій, ни костюмовъ, ни библіотеки. При всѣхъ представленіяхъ ставили только тѣ пьесы, гдѣ у Гумилевскихъ имѣлись хорошія роли. Изъ всей труппы выдѣлился и сдѣлался особеннымъ любимцемъ публики — Браво. Сборы во всю зиму были не велики, а также и наши бенефисы. Гумилевскій и мы всѣ едва могли свести концы съ концами.

Въ это время въ труппѣ нашей служили старинные актеры-комики Вертовскій и Шилкинъ. Этотъ послѣдній снабжалъ Гумилевскаго библіотекой и костюмами. Въ прежніе годы, давно, всѣ старые актеры имѣли у себя довольно много вещей для театра. Еще въ Таганрогѣ, помню, я засталъ у Мачихина и Кочевскаго большой складъ париковъ, пьесъ,

нотъ, костюмовъ и даже декорацій. Такихъ актеровъ въ провинціи тогда встрѣтить было не рѣдкость. Шилкинъ тѣмъ еще замѣчателенъ, что, когда онъ былъ антрепренеромъ, то у него въ первый разъ на сцену выступилъ Провъ Михайловичъ Садовскій.

По окончаніи зимняго сезона 1851—1852 годовъ Гумилевскій на первый же день Великаго поста объявилъ намъ о своей несостоятельности, что далѣе онъ труппы содержать не можетъ. Побранившись съ нимъ малую толику, мы все-таки пришли къ тому заключенію, что ничего не подѣлаешь! Приходилось снова пуститься въ путь, куда-нибудь въ другой городъ. Но бѣда моя — изъ моего города не высылаютъ мнѣ паспорта: общество требуетъ меня къ себѣ на лицо. Какъ бы не такъ! Знаемъ мы эти личныя свиданья съ міроѣдами. Схватятъ тебя, милаго дружка, да и сдадутъ въ солдаты за сынка какого-нибудь богатенькаго кулака. Народъ этотъ смотритъ на актера, какъ на человѣка никуда негоднаго, пропащаго! Нѣтъ, голубчики! Мнѣ не учиться стать проживать безъ паспорта! Еще, слава Богу, доброе начальство намъ въ этомъ мирволитъ. Съ случайнымъ знакомымъ попутчикомъ поѣхалъ я въ Тамбовъ.

Тамбовъ.

Аносовъ и вся его труппа встрѣтили меня радостно, привѣтливо. Театръ, актеры попрежнему находились въ бѣднотѣ. Боброва уже не было въ живыхъ. Его, несчастнаго, какъ-то ночью, пьяненькаго, задавили каретой. А тутъ, сказывали, на нихъ еще стряслась великая бѣда. Давали оперу „Волшебный стрѣлокъ“,—ужъ какъ это они ухитрились ее пропѣть, вѣдаетъ Аллахъ! Въ первомъ дѣйствіи, когда надо было стрѣлять въ орла, ружье у Макса оказалось незаряженнымъ. Что дѣлать? Актеръ Хрисанфовъ, схвативъ вновь принесенное реквизиторомъ ружье, выстрѣлилъ въ орла. Тотчасъ же послѣ выстрѣла, вмѣстѣ съ орломъ, съ поддугъ на сцену упалъ и солдатъ, державшій чучело. Такъ-таки наповалъ и сразилъ его. Конечно, послѣ такого несчастія публика съ ужасомъ вышла изъ театра, а труппу и антрепренера притянули къ суду и слѣдствію.

Справясь въ Тамбовѣ о своихъ дѣлахъ, я воротился въ Рязань. Секретарь посовѣтовалъ мнѣ уклониться отъ явки въ свой городъ, да и оставаться долѣе жить здѣсь было небезопасно. Чтобы отвести обществу темниковскому глаза, я написалъ роднымъ, что уѣзжаю на Кавказъ. Пусть тамъ ищутъ!...

Послѣ Пасхи надумали мы съ актеромъ Браво отправиться въ Тулу, а пока, до времени, жену мою съ семействомъ оставить въ Рязани. 10-го апрѣля, въ самую-то распутицу, поѣхали мы на почтовыхъ, думая поскорѣе добраться. Но, несмотря на подорожную, данную на имя гражданина Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, учителя Егора Браво, насъ все-таки вездѣ задерживали и притѣсняли. Взыскивать было нельзя: путь-дорога непроѣздная; везли — гдѣ на саняхъ, а гдѣ въ телѣгѣ; однѣхъ переправъ черезъ ручьи, рѣчки было болѣе двадцати; въ иныхъ мѣстахъ переѣзжали съ опасностію для жизни. Подъѣхавъ къ рѣчкѣ у Венева, мы узнали, что позавчера провалился тарантасъ съ почтой, — едва могли спасти почталіона и ямщика. По этой причинѣ переправа остановилась, и всѣ проѣзжіе засѣли на постояломъ дворѣ. Но намъ хотѣлось непремѣнно быть на той сторонѣ, чтобы поскорѣе добраться до Тулы. И вотъ, подъѣхавъ къ рѣчкѣ, мы стали упрашивать — какъ-нибудь переправить насъ.

— Какъ же теперь намъ быть-то, ребята? обратился я къ перевозчикамъ.

— Ничего, вѣдь, господинъ, не подѣлаешь! отвѣтилъ одинъ изъ нихъ. Самъ видишь, какая рѣка-то! Супротивъ Бога не пойдешь! Тожъ всякому жизнь дорога! Слышалъ, небось, позавчера какая оказія сотворилась? Пошту и то утопили! Людей-то изловили, а лошадей съ поклажей и доселѣ все ищутъ по рѣкѣ-то!

— Да, вѣдь, рѣка-то тутъ не широка и ледъ еще держится! настаивалъ я.

— Хошь не широка, да дюже глубока! проговорилъ старичокъ, вздернувъ плечами.

— Оно вотъ што... перебилъ его другой: можно, пожалуй, и перетащить васъ... да только опасно!

— О! О!... Какъ это ты перетащишь-то? насмѣшливо спросили его товарищи. Больно, братъ, ты мудрёнъ!...